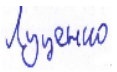
На правах рукописи

Луценко Антон Виленович

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМНОГО ТЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА А.А. БОГДАНОВА В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2018

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Куперт Юрий Васильевич

Официальные оппоненты:

Ивонина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет», кафедра отечественной и всеобщей истории, профессор

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное казённое учреждение «Российский государственный архив социально-политической истории», Центр документальных публикаций, заместитель начальника отдела

Худолеев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет», кафедра истории и обществознания Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Защита состоится 28 декабря 2018 г. в 11 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/LutsenkoAV28122018.html

Автореферат разослан «__» октября 2018 г.
Ученый секретарь
диссертационного совета Шевцов Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Анализ научных взглядов Александра Александровича Богданова (1873–1928), их происхождения и развития, имеет особое значение в силу целого ряда причин. Если рассматривать наследие А.А.Богданова с точки зрения *истории науки*, то роль и место его открытий в сфере системного анализа и комплексного социального прогнозирования до сих пор не оценены по достоинству, равно как и влияние богдановских разработок на дальнейшее развитие естественных и общественных наук. В особенности это касается пионерной, лидерской роли российского ученого в целом ряде отраслей научного познания, начиная от разработки методов системного анализа и заканчивая гематологией. Далее, с точки зрения *методологии истории* разработанная А.А.Богдановым теория «военного коммунизма» и государственного капитализма обладает большим потенциалом при объяснении причин и движущих сил многих событий XX в., начиная с феномена тоталитарных диктатур (по сей день интерпретируемых весьма односторонне с помощью сложных искусственных построений вроде «бегства от свободы») и заканчивая успешными результатами политики «нового курса» Ф.Д. Рузвельта (которые зачастую вовсе не получают рационального объяснения в рамках господствующей сейчас неолиберальной парадигмы). С точки зрения *прикладной социологии, политологии, экономики* теория системных кризисов А.А.Богданова позволяет не только по-новому оценить причины и характер крупномасштабных событий общественной жизни, но и с высокой точностью оценивать ключевые тенденции и перспективы их развития. Наконец, с точки зрения *отечественной истории* научная, организаторская и просветительско-идеологическая работа А.А.Богданова в РСДРП представляет собой один из принципиально важных эпизодов истории российского революционного движения, поскольку именно богдановская методика агитационно-пропагандистской работы во многом обусловила, например, массовую поддержку Советской власти в годы Гражданской войны.

Кроме того, специфический богдановский метод системного анализа исторических процессов позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, известные события отечественной истории, связанной с крайне проблемным процессом социально-экономических и политических преобразований. Многочисленные факты из мемуарных источников и исторических исследований свидетельствуют о том, что в практике российской государственной власти второй половины XIX – начала XX в.

систематически не хватало тех элементов, которые требовались для действительно эффективного реформирования страны; этих же элементов не хватало и в теоретических построениях интеллигентной оппозиции (от ультраконсервативных «зубров» до радикальных анархо-коммунистов). Различие между властью и оппозицией в Российской империи заключалось в том, что чиновничество стремилось авторитарными методами принудить подданных к участию в преобразовательном процессе, а разнообразные «певцы свободы» старались методами «эксцитативной»[1] агитации привлечь простонародье к борьбе за политические перемены. Общим же для этих двух групп элиты было *сознательное игнорирование жизненных интересов и мировоззренческих предпочтений примерно 90% соотечественников* и уверенность в том, что «живую идеологию»[2] русского общества можно без особых усилий перекроить под любой желаемый шаблон. Из рассмотренных в диссертации политических деятелей только А.А. Богданов с помощью оригинальной методики системного анализа смог выявить необходимые элементы эффективной преобразовательной политики: по мысли ученого, они представляли собой, во-первых, глубокое и точное знание «живой идеологии» реального большинства населения страны и, во-вторых, воздействие на эту «живую идеологию» *исключительно путем планомерного встраивания в нее новых идей, которые должны быть предварительно к ней адаптированы.* Обнаружить и адекватно оценить это открытие Богданова, обусловившее эффективность большевистской агитации во время революции и Гражданской войны, невозможно без развернутого анализа взглядов идеологов основных политических движений второй половины XIX – начала XX в. с позиций тектологической методики системного анализа, разработанной А.А. Богдановым накануне Первой Мировой войны. Применение этой методики для исследования событий социально-экономической и политической истории способно обеспечить более развернутую и точную интерпретацию процесса развития общества, оценку ключевых факторов и перспектив этого процесса на основе четко определенных критериев.

Степень разработанности темы. Научные взгляды А.А. Богданова формировались на «стыке» естественнонаучного и гуманитарного знания и потому обладают междисциплинарным характером, который закономерно

1 Возбуждающий чувства, привлекающий внимание (от лат. «excitare» – возбуждать).

2 Термином «живая идеология» Богданов обозначал всю совокупность мировоззренческих установок, определяющих образ жизни социальной группы в обществе и общества в мире.

затруднял их анализ, даже если не принимать в расчет откровенную политизированность первых исследовательских работ, связанных с философско-идеологической оценкой всеобщей организационной науки тектологии[1], а также с определением роли ее создателя в социал-демократическом движении[2]. За пределами этих четко очерченных областей деятельность А.А. Богданова вообще не анализировалась и не оценивалась вплоть до 1957 г., когда исследователи обратили внимание на медицинские разработки ученого[3], а также на связь всеобщей организационной науки тектологии с аналогичными по содержанию методиками системного анализа, разработанными на Западе после Второй Мировой войны[4]. Политическая деятельность А.А. Богданова, а равно его разработки в области системного анализа оценивались в рамках уже сложившейся традиции[5].

Ситуация изменилась на рубеже 1980-х и 1990-х годов вместе с политической идеологией государства: публикация произведений А.А. Богданова[6] обусловила рост интереса к его научным разработкам в среде историков, экономистов, философов[7] и специалистов по системному анализу, а облегчение доступа в архивы позволило не только осуществить

[1] Щеглов А.В. Борьба Ленина против богдановской ревизии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1937. 228 с. Основой данной монографии послужили публицистические по своему смысловому содержанию работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), Г.В. Плеханова «Materialismus militans» (1908–1910), Л.И. Аксельрод «Новая разновидность ревизионизма» (1904).

[2] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1938. 352 с.

[3] Богомолец А.А. Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови // Богомолец А.А. Избранные труды. В 3-х т. Т.2. Киев: Издательство АН УССР, 1957. С. 183–186; Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. 60 с.

[4] Сетров М.И. Об общих элементах тектологии А. Богданова, кибернетики и теории систем // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. 1967. Вып. 8. С. 49–60; Mattessich R. Instrumental Reasoning and Systems Methodology. Dodreacht. Boston: D. Reidel, 1978. 396 p.

[5] Суворов Л.Н. Из истории борьбы В.И. Ленина, партии большевиков против богдановской «организационной науки» // Научные доклады высшей школы. Философские науки. М., 1966. №3. С. 84–91.

[6] Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2-х кн. М.: Экономика, 1989; Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.

[7] Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Предисловие к книге А.А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» // Богданов А.А. Тектология. В 2-х кн. Кн.1. М.: Экономика, 1989. С. 7–35; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. А.А. Богданов (биографический очерк) // Указ. изд. С. 36–44; Гловели Г.Д., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма. М.: Политиздат, 1990. С. 3–27; Гловели Г.Д., Пустильник С.Н. Сотри случайные черты… // Химия и жизнь. М., 1990. №12. С. 11–19; Абалкин Л. И. Тектология А. А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 3–7; Моисеев Н.Н. Тектология А.Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 8–13.

издание значимой части рукописного наследия ученого[1], но и приступить к исследованию его подлинной роли в развитии отечественной и мировой науки. Таким образом, период директивного превращения А.А. Богданова в «фигуру умолчания» российской истории сменился периодом активного изучения его трудов, и с середины 1990-х годов по настоящее время различные аспекты научного и политического наследия А.А. Богданова в контексте развития соответствующих областей деятельности являются предметом диссертационных исследований молодых ученых, специализирующихся в социально-гуманитарных областях.

Эти исследования, отличающиеся разноплановостью проблематики и методологическим разнообразием[2], обладают, тем не менее, рядом общих

---

[1] Плютто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социологические исследования. М., 1992. №11. С. 133–142; Неизвестный Богданов. В 3-х кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

[2] Пустильник С.Н. Биологические идеи тектологии А.А. Богданова: к генезису общей теории систем. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата биологических наук. М., 1993; Кузьминых Н.А. Историографические проблемы исследования организационно-социологической концепции А.А.Богданова. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата социологических наук. М., 1993; Калиниченко С.Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х годов: А.А. Богданов, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский, Л.Д. Троцкий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата историч.наук. Ставрополь, 1994; Кульсеева Т.Г. Теоретические основания эмпириомонизма А.А. Богданова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Курск, 1995; Максименко Е.П. Концепция «пролетарской культуры» в идейно-политическом наследии А.А. Богданова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1996; Луценко А.В. Александр Богданов как политик, ученый, просветитель, основоположник методологии системного анализа. Томск, 2000; Шушпанов А.Н. Литературное творчество А.А. Богданова и утопический роман 1920-х годов. Иваново, 2001; Тарент И.Г. Историко-философский анализ тектологии А.А. Богданова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2003. Афанасьева Е.Л. Рациональная организация социально-экономических систем на основе тектологии А.А. Богданова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Якутск, 2004; Мясникова С.В. Проблема социального идеала в философско-литературных произведениях А.А. Богданова, Е.И. Замятина, А.П. Платонова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. ; Алексеев В.В. Концепция социально организованного опыта А.А. Богданова и ее роль в становлении советской модели социализма в 1920-х – середине 1930-х годов. Диссертация на соискание ученой степени канд.ист.наук. Ижевск, 2007; Кузнецова К.А. Социологические взгляды А.А. Богданова. Саратов, 2010; Балановский В.В. Понятие трансцендентальной рефлексии в философии И. Канта и его применение к анализу гносеологических концепций Вл.С. Соловьёва и А.А. Богданова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Калининград, 2011.

Кроме того, отдельные аспекты научного и политического наследия А.А. Богданова в сочетании с историко-культурной, политической, социально-философской и др. проблематикой, были затронуты в следующих диссертационных исследованиях: Пономарева Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX – начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1997; Николаева Л.С. Теория и практика Пролеткульта, 1917–1932 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1997; Добронравов С.В. Дискуссия «реалистов» и «идеалистов» в русской философии начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2000; Жукоцкий В.Д. Русский марксизм в религиозном измерении: историко-философский аспект. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Екатеринбург, 2000; Юдин М.В. Деятельность Московского Пролеткульта в 1918–1925 гг.

черт. Во-первых, *поле исследования сознательно сужается авторами* буквально до одного-двух аспектов деятельности А.А. Богданова в определенной сфере; как правило, это позволяет осуществить глубокий анализ выбранных элементов обширного богдановского наследия. Во-вторых, *научные разработки А.А. Богданова рассматриваются исключительно в контексте анализируемой исследователями проблематики*; подобный подход вполне оправдан, когда речь идет об экономических, социологических или медицинских трудах Богданова, но представляется методологически некорректным, когда созданную ученым тектологическую методику системного анализа – по своему характеру столь же прикладную, как, например, законы механики Ньютона, – ставят в один ряд с философскими доктринами «серебряного века», которые в большинстве своем изначально не предназначались для практического использования. Однако подавляющее большинство современных историков и философов, изучающих наследие Богданова, рассматривают тектологию исключительно в качестве дискурсивной концепции (совокупности высказываний), которую надлежит сравнивать лишь с другими наборами суждений, но не с формами и методами конкретной социальной и научной практики, характерной для современного Богданову общества. В-третьих, *прикладные исследования*, связанные с применением элементов системного тектологического анализа[1], *интегрируют разработки А.А. Богданова в современный научный контекст, исключая из рассмотрения их связь с конкретной культурно-исторической средой второй половины XIX – начала XX в.* ***К сожалению, в общем массиве***

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2001; Сыченкова Л.А. Культура Западной Европы: Российский опыт историографического осмысления, вторая половина XIX – 30-е гг. XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2001; Бойко М.И. Теоретические проблемы культуры в общественно-политических дискуссиях 20-х – начала 30-х годов в Советской России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ростов-на-Дону, 2002; Минтус О.М. Эволюция философских взглядов Н.И. Бухарина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Нижневартовск, 2003; Кисельникова Т.В. Проблемы либерального социализма в российской общественно-политической мысли: 1890-е – 1917 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Томск, 2003; Иванцов Д.С. Феномен Пролеткульта в культурно-историческом аспекте. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Киров, 2006; Изюмова Ю.А. Общественная мысль Советской России: Футурологические проекты научной интеллигенции 1920-х годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самара, 2006; Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии 1920 – середины 1930-х гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2009; Полуян Н.Н. Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма». Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Киров, 2010; Шепелева В.Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тюмень, 2013.

[1] См., напр.: Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Нижний Новгород, 1997. С. 106.

выполненных работ отсутствуют исследования, которые рассматривают научное наследие Богданова в контексте указанного исторического периода, а равно оценивают возможность и перспективы применения методов тектологии для анализа событий социальной, экономической и политической истории.

Объектом исследования является контекстное влияние социально-экономической и политической ситуации в России второй половины XIX – начала XX столетия на формирование научных взглядов А.А. Богданова, вершиной развития которых стало создание тектологической методики системного анализа, обладающей высоким эвристическим потенциалом применительно к исследованию общественно-политических процессов. Выбор объекта исследования обусловлен, прежде всего, тем, что в современных исследованиях сам факт наличия причинно-следственной связи между состоянием общества в определенный период и развитием научного и политического мировоззрения исторической личности, действовавшей в то же время, нередко исключается из рассмотрения, так что создается либо чисто хронологическое жизнеописание изолированно рассматриваемого человека, либо отвлеченно-философский анализ совокупности высказываний одного деятеля, соотносимых исключительно с высказываниями других деятелей того же исторического периода, но не с научной и общественно-политической практикой времени. Подобный подход представляется недостаточно эффективным для оценки действительного вклада А.А. Богданова в развитие отечественной и мировой науки, поскольку подлинное значение открытых ученым тектологических законов невозможно определить без соотнесения их с практической деятельностью (которую любые научные закономерности призваны объяснять в силу своей функциональной природы)[1].

Предметом исследования является соотнесение оригинальной историософской концепции А.А. Богданова с общественно-политическим и культурно-историческим состоянием России второй половины XIX – начала XX в. Столь обширный и сложный предмет выбран в силу ряда причин.

Прежде всего, необходимо учитывать, что *мировоззрение ученого*

[1] Например, для того, чтобы определить, какое влияние на развитие физики оказали открытые И. Ньютоном законы механического движения, нет необходимости составлять детальную хронологию индивидуальной жизни великого британского ученого или сравнивать текст его «Математических начал натуральной философии» с высказываниями Р. Декарта, Б. Паскаля, Г. Лейбница и других великих ученых «века разума» – достаточно просто выполнить расчеты по формулам, с помощью которых Ньютон соединил скорость движения, затраченное время и пройденный путь, а затем отследить, как применение этих формул повлияло на дальнейшие научные исследования, а также на развитие производства, транспорта и прочих отраслей прикладной практической деятельности.

формируется не «само по себе», вне общества и времени, где жил и действовал человек*, а в пределах конкретного социокультурно-исторического контекста*[1]. В соответствии с этим необходимо четко дифференцировать индивидуальные особенности мышления ученого от господствующих воззрений его времени, чтобы определить качественное своеобразие взглядов ученого в момент их формирования и установить их объективную значимость для развития науки и общества.

Далее, еще в период работы над «Эмпириомонизмом» (1904–1906) А.А. Богданов четко определил различия между наукой, философией и религией. *Наука оперирует* ***точным знанием*** *о своем предмете* (который, как правило, связан с конкретной областью жизненной, т.е. социальной практики), *философия работает с* ***гипотезами*** (которые, как правило, являются попытками объединить разные области точного знания и отыскать между ними логическую связь, или же призваны компенсировать недостаточность имеющихся знаний), а *религия эффективно действует там, где отсутствует точное знание и недостаточно материала для гипотез* (именно в таких обстоятельствах, по Богданову, разум вынужден подчиняться иррациональной вере). Каждая из этих форм интеллектуальной деятельности результативна и социально полезна лишь тогда, когда реализуется в пределах своей «экологической ниши»; а самые большие проблемы у общества начинаются тогда, когда философия берет на себя роль науки, действуя при этом методами религии[2]. Подобный подход к решению проблемы научного познания обусловил специфическое восприятие исторического процесса А.А. Богдановым.

В соответствии с выводами ученого, *всякое историческое событие является по своей природе социальным, т.е. системным* – прежде всего, потому, что в него неизбежно оказываются вовлеченными большие коллективные единства с точно определенными параметрами (такими, как количество членов коллектива, объем потребностей и средств для их удовлетворения и т.д.). Развитие этих человеческих объединений подчинено четко определенным рационально-целесообразным нормам (главной

[1] См.: Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 37.

[2] Подробнее об этом см.: Богданов А.А. Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма: филос. сб-к. СПб.: Зерно, 1908. С. 215–242; Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») М.: Издание С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1910. С. 145–147, 160–163, 222–223; Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник. 1904–1914 // Неизвестный Богданов. В 3-х кн. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 33–50.

функцией которых является организация общего жизнеобеспечения всех входящих в данный коллектив людей) и обусловлено сочетанием таких факторов, как предшествующее состояние сообщества, наличные ресурсы, за счет которых осуществляется развитие, и методы использования этих ресурсов для изменения наличного состояния в желаемом направлении. Подобное восприятие исторического процесса сформировалось у А.А. Богданова еще в период работы над «Кратким курсом экономической науки» (1897) и представляло собой дальнейшее развитие марксистской формационной теории.

Закономерным следствием дальнейшего развития взглядов Богданова, завершившихся созданием методики тектологического системного анализа, стало переосмысление природы исторического факта. С традиционной точки зрения (которой придерживается большинство современных исторических школ) он представляет собой инвариантное статичное событие, зафиксированное в исторических источниках и связанное с другими подобными событиями лишь в результате исследовательской интерпретации, неизбежно носящей дискурсивный (т.е. субъективный) характер; после того, как исторический факт свершился, его собственное влияние на общество прекращается, и вместо него начинают действовать разнообразные интерпретации, в той или иной степени произвольные[1]. Однако с позиций богдановской тектологии каждый *исторический факт изучается и оценивается* уже не сам по себе, а *в качестве закономерного элемента цепи социальных событий, соединенных друг с другом причинно-следственными связями, которые подлежат не субъективной интерпретации, а объективному анализу системными* (или, в более ранней терминологии А.А. Богданова, «научно-статистическими»[2]) *методами*; естественно, что при таком подходе каждый конкретно-исторический факт продолжает оказывать влияние на развитие общества даже спустя длительное время после своего свершения, формируя образ жизни людей в качестве причины целой последовательности дальнейших событий[3]. Какая-либо подмена истинных (т.е. подтверждаемых источниками) причинно-следственных связей между фактами на произвольные при таком подходе не

[1] Едва ли не хрестоматийным примером здесь может служить критическое рассуждение Л.Н. Толстого о роли личности в истории (См.: Толстой Л.Н. Война и мир. В 2-х кн. Кн. 2. ТТ. 3–4. М.: Художественная литература, 1983. С. 193–196).

[2] См.: Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 302.

[3] Наиболее показательна в этом отношении богдановская концепция «военного коммунизма», подробно рассматриваемая в разделе 4.3 диссертации.

представляется объективно возможной, поскольку порождает отчетливо заметные искажения и противоречия в системной картине социальной истории, объединяющей прошлое и текущее состояния исследуемого общества.

Выполненная в диссертации реконструкция развития общественно-политических и научных взглядов А.А. Богданова в контексте глобальных социально-исторических и культурно-мировоззренческих вызовов конца XIX – начала XX столетия позволяет с позиций современного исторического знания раскрыть содержание и диапазон вклада ученого в познание социального, экономического и политического процесса развертывания отечественной и мировой истории в XX в. с позиций системного анализа – высокоэффективного исследовательского метода, во многом обязанного своим возникновением именно богдановским разработкам по эмпириомонизму и тектологии.

Для осуществления подобной реконструкции использовался обширный круг разнообразных источников и литературы, включающий публикации в белоэмигрантском «Архиве русской революции», мемуары деятелей земского и социал-демократического движений, исследования современных специалистов по отечественной истории, а также труды классиков философской, экономической и политической мысли XIX – XX вв. Этот массив разноплановых сведений позволил не только детально реконструировать ту культурно-историческую обстановку, в которой происходило развитие способностей Богданова-ученого, просветителя и политического деятеля, но и более глубоко оценить значимость разработанных Александром Александровичем методов системного анализа для оценки событий XX века, определить место «богдановской всеобщей организационной науки» в системе современных знаний о человеке и обществе, оценить ее потенциал с точки зрения реалий первых десятилетий XXI в., определить возможность и пределы применения методов тектологического системного анализа в исследовании процессов исторического развития общественно-политических движений.

Цель исследования заключается в том, чтобы определить функциональные причинно-следственные связи между социально-экономической и политической ситуацией в России второй половины XIX – начала XX в. и формированием богдановской методики тектологического системного анализа, а также выяснить границы применения этой методики и производных от нее концепций (прежде всего, теории «военного коммунизма», созданной А.А. Богдановым в 1914–1918 гг., т.е. еще *до* превращения «военного коммунизма» в общественно-экономическую и политическую практику

Советского государства) для исторических исследований

Достижение данной цели предполагает решение ряда взаимосвязанных задач:

1) выявление действительного генезиса разработанных А.А. Богдановым прикладных аналитических методик в контексте социально-экономических и политических трансформаций российского общества второй половины XIX – начала XX в.;

2) определение позиций А.А. Богданова в системе философских воззрений «серебряного века» с целью установления дифференциации между философией данного исторического периода и созданными Богдановым прикладными методиками системного анализа;

3) оценка сравнительной эффективности классической «эксцитативной» агитации, используемой большинством российских общественно-политических движений начала XX в., и методов системной просветительской пропаганды, разработанных А.А. Богдановым, в контексте успешности воздействия на мировоззрение и политическую активность общества;

4) характеристика закономерностей тектологического системного анализа с теоретической и прикладной точек зрения, причем последняя является определяющей для определения места тектологии в ряду исследовательских методик;

5) освобождение созданных А.А. Богдановым методов прикладного системного исследования от предвзятых, зачастую необоснованно политизированных интерпретаций;

6) определение границ применимости богдановских методов системного тектологического анализа в исследовании динамики социально-экономических и политических процессов;

7) выработка приемов рационального использования тектологических закономерностей в научных исследованиях по отечественной и мировой истории.

В целом диссертационное исследование направлено на то, чтобы выявить действительный генезис разработанных А.А. Богдановым прикладных аналитических методик в контексте социально-экономических и политических трансформаций российского общества второй половины XIX – начала XX в., очистить богдановские концепции от предвзятых, зачастую необоснованно политизированных толкований и предложить способы рационального использования тектологических закономерностей в научных исследованиях по отечественной и мировой истории.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX столетия, точнее, период с начала 1870-х

до середины 1930-х годов. Именно в это время происходили ключевые события отечественной и мировой истории, в контексте которых действовал А.А. Богданов, создавший свою тектологическую методику системного анализа как раз для исследования и целерациональной интерпретации происходящего. В некоторых вопросах, касающихся процессов развития общественно-политической мысли России, а также эволюции марксистской методологии исследования социально-исторических процессов, хронологические рамки работы расширяются до начала XVIII в., что позволяет более детально проанализировать генезис идеологических доктрин и политических практик, послуживших основой российского антимонархического движения и фактически определивших мировоззрение отечественной оппозиционной интеллигенции «серебряного века».

Методология исследования. В основу сбора, анализа и изложения материала положен классический принцип историзма в сочетании с методами просопографии. Согласно им, ни одна историческая личность не существует независимо от своего социокультурного окружения и в деятельности опирается не столько на собственные желания, стремления и представления, сколько на мировоззренческие ориентиры, принятые в обществе данного исторического периода. Соответственно, личность, взятая отдельно, сама по себе, *никогда и ничего не создает «с нуля», а только обобщает в своем труде результаты конкретной деятельности других людей*, будь то производственный коллектив (в самом широком смысле этого понятия – от архаической сельской общины до современных корпораций), политическое движение (независимо от его доктрины и программы), научная школа или художественное направление.

Если посмотреть с данной точки зрения на результаты научной, политической и просветительской деятельности такого человека, как А.А. Богданов, то придется признать, что для понимания его взглядов необходимо не только изучать его жизнь и взаимодействие с ближайшим окружением, но и тщательно анализировать состояние науки и общества того времени, включая, казалось бы, общеизвестные исторические события в строго определенной интерпретации, соответствовавшей мировоззрению ученого. По этой причине в диссертации предпринято развернутое описание социально-исторической ситуации в России второй половины XIX – начала XX в. с мировоззренческих позиций, близких к социал-демократизму указанного периода развития общественной мысли.

Логическим следствием выбранного метода является последовательное соотнесение теоретических разработок А.А. Богданова с социально-

экономической и общественно-политической практикой. Что касается традиционной методики исследования научных и общемировоззренческих взглядов, при которой позиция исследуемого деятеля сравнивается с представлениями других известных современников, то по ряду вопросов, связанных с богдановским наследием, от данной методики пришлось отказаться. Выбор такого подхода к анализу работ Богданова обусловлен тем, что для оценки эффективности любой теории ее целесообразнее сравнивать в первую очередь с практикой, а не с другими теориями, поскольку никаких объективных критериев истинности суждений, кроме практики, у человечества нет[1]. Соответственно этому, многие философские опыты российской оппозиционной интеллигенции (увлекавшейся на рубеже XIX и XX веков неокантианством, махизмом, ницшеанством, мистицизмом и т.д.), несмотря на их безусловную значимость для развития отечественной философской мысли в целом, практически исключены из рассмотрения в рамках данного диссертационного исследования: объективное влияние этих этических и гносеологических построений на общественно-политическую идеологию Российской империи было невелико – в отличие от доктрин либерализма и марксизма[2], на фоне эволюции которых рассматривается развитие взглядов А.А. Богданова.

Для интерпретации систематизированных данных из источников и литературы используется историко-генетический метод. Прежде всего, в диссертации выстроено диахроническое описание процесса формирования и развития взглядов А.А. Богданова в контексте эволюции российской общественно-политической мысли. Это позволило осуществить детальную реконструкцию социально-исторической ситуации, определившей формирование научных и политических взглядов российской интеллигенции, в состав которой входил, наряду с другими лидерами радикальных

[1] Например, для того, чтобы определить, какое влияние на развитие физики оказали открытые И. Ньютоном законы механического движения, нет необходимости составлять детальную хронологию индивидуальной жизни великого британского ученого или сравнивать текст его «Математических начал натуральной философии» с высказываниями Р. Декарта, Б. Паскаля, Г. Лейбница и других великих ученых «века разума» – достаточно просто выполнить расчеты по формулам, с помощью которых Ньютон соединил скорость движения, затраченное время и пройденный путь, а затем отследить, как применение этих формул повлияло на дальнейшие научные исследования, а также на развитие производства, транспорта и прочих отраслей прикладной практической деятельности.

[2] Необходимо отметить, что глубокий сопоставительный анализ концепций либерального социализма (в том числе немарксистских и связанных преимущественно с этической философией), а также сравнение взглядов идеологов ведущих общественно-политических движений (включая, разумеется, и А.А. Богданова) были осуществлены томским ученым Т.В. Кисельниковой в 2010 г. (См.: Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XXв.: идеи либерального социализма. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2010. 360 с.).

общественных движений, и А.А. Богданов.

Последовательная реализация обозначенных выше методологических принципов предполагает специфический подход к анализу исторических фактов: с предлагаемой точки зрения, *любое событие социальной, политической или научной истории представляет собой* ***не неизменное изолированное явление, а определенную фазу динамически развивающегося процесса****, берущего начало в прошлом и направленного в будущее.* За пределами подобного широкого контекста попытка определить действительную значимость научных открытий и доктринальных концепций Богданова представляется малоэффективной. Недостаточное внимание к историческим реалиям способно лишь помешать объективному выяснению того, в чем именно исследования и труды выдающегося мыслителя превзошли достигнутый до него уровень научно-практических знаний и насколько они окажутся востребованными в будущем для успешного развития общества.

Источниковая база исследования включает в себя несколько групп материалов, содержательно и тематически связанных с заявленной проблематикой диссертации[1]. В первую группу источников включены труды самого А.А. Богданова[2], анализ которых позволяет не только оценить процесс эволюции научных и политических воззрений основоположника системного анализа, но и выявить наиболее существенные социально-исторические предпосылки формирования специфического богдановского метода комплексных исследований общественно-экономической и политической системы современного ученому общества. Помимо этого,

[1] Ввиду большого количества разноплановых источников и литературы их детальный анализ и критика вынесены в отдельную главу.

[2] Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. М.: Изд-е книжного склада А.М. Муриновой, 1897. 290 с.; Богданов А.А. Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899. 251 с.; Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. СПб.: Типография А. Лейферта, 1901. 217 с.; Галерка (Ольминский М.С.) и Рядовой (Богданов А.А.). Наши недоразумения. Женева: [Б.м.], 1904. 93 с.; Рядовой (Богданов А.А.). Из-за чего война и чему она учит? Женева: [Б.м.], 1904. 25 с.; Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб.: Книгоизд-во «Паллада», 1906. 295 с.; Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука (О книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм») М.: Издание С.Дороватовского и А.Чарушникова, 1910. 226 с.; Богданов А.А. Философия живого опыта. 2-е изд. СПб.: Изд-во М.И. Семенова, [б.г.]. 272 с.; Богданов А.А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1914. 220 с.; Богданов А.А. О пролетарской культуре. 1904–1924. М.-Л.: Издательское товарищество «Книга», 1924. 344 с.; Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 479 с.; Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. М.: Финансы, 2003. 496 с.: Богданов А.А. Эмпириомонизм. Статьи по философии. М.: Республика, 2003. 400 с.; Неизвестный Богданов. В 3-х кн. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995.

соотнесение произведений Богданова с другими группами источников показывает действительные причины конфликта между ученым и его критиками: из богдановских текстов видно, что основным камнем преткновения были не философско-гносеологические вопросы сами по себе, а следовавшие из них политико-идеологические выводы о характере лидерства в общественных движениях и о роли интеллигенции в обществе.

Вторая группа источников включает в себя произведения социальных философов и публицистов середины – второй половины XIX столетия. Эти работы фактически формировали общественно-политическое и научное мировоззрение русской интеллигенции рубежа XIX и XX вв. Особое внимание уделяется работам Н.Г. Чернышевского по политической экономии[1], а также публицистическим статьям Д.И. Писарева[2] и политико-философским произведениям таких идеологов народничества, как П.А. Кропоткин[3] и П.Л. Лавров[4], поскольку именно эта группа мыслителей оказала определяющее влияние на политические взгляды значительной группы российских интеллигентов, рожденных в 1870-е годы.

Третья группа источников представлена документальными материалами, характеризующими деятельность российской государственной власти[5] и оппозиционных ей политических движений – прежде всего, социал-демократической партии[6], в которой А.А. Богданов длительное время находился в качестве одного из ведущих идеологов.

В четвертую группу источников, самую многочисленную по объему и неоднородную по содержанию, вошли мемуарные произведения разных лиц – от видных деятелей общественного движения России до совершенно аполитичных представителей творческой интеллигенции и от влиятельных

---

[1] Чернышевский Н.Г. Основания политической экономии [Д.С. Милля] // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1949. С. 11–336; Чернышевский Н.Г. Очерки политической экономии (по Миллю) // Там же. С. 337–725; Чернышевский Н.Г. Капитал и труд // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 7. М.: Гослитиздат, 1950. С. 5–63.

[2] Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. СПб.: Общественная польза, 1894.

[3] Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. 683 с.

[4] Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Мысль, 1965.

[5] Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным 6 ноября 1916 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 337–343.

[6] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1954. 630 с.; Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций. Третий съезд РСДРП (май–июнь 1905 г.). М.: Госполитиздат, 1959. XVI, 782 с.; Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Пятый (Лондонский) съезд РСДСРП. 30 апреля–19 мая (13 мая–1 июня) 1907 г. М.: Госполитиздат, 1963. XXIII, 951 с.

политиков до рядовых членов политических партий. Значительную часть этого материала составили воспоминания, опубликованные в журнале «Архив русской революции» в период с 1921 по 1937 год.

Содержательно к этой группе источников примыкают исследовательские работы по истории, тематически не связанные с биографией и научными разработками А.А. Богданова. Информация о состоянии социально-экономической и политической системы Российской империи, а также других государств, переживавших кризисы в своем развитии, позволила дополнить фактами тот культурно-исторический контекст, в котором проходило развитие научных и политических взглядов А.А. Богданова, а также реконструировать ключевые эпизоды исторического процесса, оказавшие свое влияние на мировоззрение ученого. Данные работы создавались в разное время, их авторы придерживались неодинаковых идеологических ориентаций, но именно такое разнообразие позиций позволило вычленить формообразующие факторы ряда значимых исторических событий и при наличии подтверждений из источников выстроить эти события в единую систему, где каждый факт занимает четко определенное положение на основе причинно-следственных связей с другими фактами.

Дополнить информацию из исторических исследований позволила такая разновидность источников, как справочные материалы, из которых брались сведения статистического и фактографического плана – зачастую именно в той интерпретации, которая была характерна для времен А.А. Богданова.

Наконец, последней по порядку, но не по значению являются такие своеобразные исторические источники, как художественные произведения, созданные на рубеже XIX и XX вв.

Научная новизна и теоретическая значимость работы заключается, прежде всего, в нехарактерном для жизнеописаний исторических деятелей рассмотрении фактов биографии ученого в контексте социокультурных трансформаций, происходивших в стране и мире при жизни исследуемого лица. Такая форма изложения материала позволяет точнее определить место научного наследия А.А. Богданова в истории отечественной и мировой науки, а также выявить закономерности развития социально-экономической и политической ситуации в период жизни Богданова, нечетко характеризуемые или даже не отмеченные другими исследователями, что дает возможность более детальной реконструкции, казалось бы, уже

изученных исторических событий.

Еще одним принципиально новым моментом в исследовании истории российской общественно-политической мысли начала XX столетия является анализ созданной А.А. Богдановым концепции социальной революции: последнюю ученый, в отличие от многих своих современников, рассматривал как процесс, по функциональному содержанию противоположный насильственному разрушению капиталистической системы производственных отношений, дезорганизующее воздействие на которую, по выводам Богданова, оказал переход капитала из промышленной формы в финансовую. Специфическая богдановская трактовка социализма и принципиально отличающегося от него «военного коммунизма» как комплексных антикризисных стратегий, объективно направленных на восстановление нормального жизнеобеспечения общества в условиях распада «прибылеориентированной» хозяйственной системы, длительное время оставалась вне поля зрения отечественных и зарубежных исследователей, что способствовало определенной деформации представлений о причинах и последствиях ряда исторических событий первой половины XX столетия – в первую очередь, связанных с русской революцией и развитием Советского государства.

Также к числу научных новаций относится применение разработанных А.А. Богдановым тектологических методов системного анализа в исследовании событий новейшей истории России и зарубежных стран, которое позволяет по-новому оценить те процессы, которые происходили в нашей стране вплоть до середины 1930-х годов, и предложить интерпретации фактов социальной истории этого драматического периода на основе богдановских методов системного анализа. Подобный подход дает возможность выделить формообразующие факторы ряда ключевых событий, послуживших предпосылками к развитию революционной ситуации в России начала XX столетия, и с учетом информации из первоисточников выстроить картину развития ситуации, свободную от полемических толкований, которые, к сожалению, характерны для определенных групп исследователей, склонных подменять объективные факты политизированными оценочными суждениями[1].

Научно-практическая значимость диссертации заключается в возможности применения результатов исследования при подготовке

[1] Элементы критики подобных толкований российской истории периода Гражданской войны содержатся в разделе 4.3 диссертации. О значимости этого периода для понимания современных экономических и политических реалий говорить не приходится.

обобщающих трудов научного и учебного характера по истории общественных движений и политических идеологий России второй половины XIX – начала XX в., при разработке учебных курсов и спецкурсов по истории России, а также по истории науки и техники. Кроме того, результаты проделанной работы могут быть использованы при разработке отдельных вопросов методологии исторического исследования.

Научные результаты были использованы автором диссертации в процессе подготовки и публикации научных статей в журналах из перечня ВАК, а также при разработке учебных пособий «Развитие политической мысли в России XVIII – XIX вв.» (Северск, 2010) и «Краткая история политологической мысли» (Северск, 2017), используемых в учебном процессе Северского технологического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

По результатам исследования ***на защиту выносятся следующие основные положения***:

1. Мировоззрение А.А. Богданова, изначально формировавшееся под характерным для поколения рожденных в 1870-е годы воздействием революционно-демократической публицистики Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева и др., в силу ряда специфических обстоятельств (начиная от характера семейного воспитания и заканчивая профессиональной подготовкой врача) оказалось оптимально подготовленным для развития особого – системного – взгляда на факты социальной, экономической и политической жизни.

2. Агитационно-пропагандистская деятельность А.А. Богданова в рабочих кружках Тулы и в особенности знакомство с марксистской методологией комплексного социально-экономического анализа привели молодого ученого к оригинальной интерпретации исторического процесса, которая впоследствии послужила основой богдановской методологии системного анализа.

3. Ведущая причина успешности агитационно-пропагандистской работы А.А. Богданова в РСДРП заключалась в планомерном формировании мировоззрения целевой пролетарской аудитории на основе системного восприятия социальной, экономической и политической ситуации. Это выгодно отличало богдановскую методику от традиционных для политических партий начала XX в. «эксцитативных» форм агитации, направленных на создание интенсивных протестных настроений путем кратковременного воздействия на эмоции целевой группы.

4. Пропагандистско-просветительская работа по методам А.А. Богданова в существенной степени способствовала не только организационному оформлению руководства большевистской фракции

РСДРП (начиная от неформального, но эффективного лидерского триумвирата «В.И. Ленин – Л. Б. Красин – А.А. Богданов» и заканчивая такими вполне формальными структурами, как Большевистский Центр и редколлегия газеты «Пролетарий»), но и распространению в России именно большевистской версии социал-демократической доктрины. Эта особенность биографии А.А. Богданова по достоинству оценивалась его современниками и исследователями позднейшего времени, однако на системный характер богдановской пропагандистско-просветительской работы при этом тоже обращалось мало внимания при условии, что многие наработки «вице-лидера большевиков»[1] в данной области даже в наши дни успешно используются – правда, без каких-либо ссылок на его авторство.

5. Причины философского противостояния А.А. Богданова с идеалистами-«веховцами», а равно с марксистами-лидерами РСДРП были связаны не с разногласиями по проблемам онтологии, гносеологии или политики, а с *несовместимостью самих способов мышления этих интеллектуалов.* Богдановский системный анализ «проклятых вопросов» современности через определение их функциональных взаимосвязей с жизнью общества не находил понимания в среде русской интеллигенции, которая ориентировалась преимущественно на полемическую критику социальных проблем, обусловленную специфической гуманитарной парадигмой мышления большинства образованных людей России в тот исторический период. Эта парадигма послужила основой для общественно-политических концепций, принципиально не поддающихся осуществлению на практике, и обусловила тупиковый характер ряда направлений в отечественной философии начала XX столетия.

6. Отмеченная выше несовместимость способов мышления также определяла характерные черты взаимодействия большинства лидеров-идеологов РСДРП с массой рядовых партийцев. Партийные руководители-интеллигенты, декларируя социал-демократические принципы, оставались на деле приверженцами сугубо авторитарного сотрудничества, при котором определяющее значение имели формальные характеристики социального статуса, жестко фиксирующие положение человека в коллективе. В то же время рабочие и по фактическому поведению, и по выводам Богданова были ориентированы на функциональное взаимодействие, при котором статус личности в группе определяется исключительно характером выполняемой работы, меняется вместе с этой работой и не устанавливает для человека раз навсегда заданного положения в социуме. Несовместимость этих организационных принципов вела к специфической *авторитарной деформации внутрипартийного сотрудничества*,

[1] Такую характеристику А.А. Богданову дал в некрологе М.Н. Покровский (См.: Покровский М.Н. Александр Александрович Богданов (Малиновский) [некролог] // Вестник Коммунистической Академии. 1928. Кн. 26 (2). С. V.)

следствием которой стал кризис пролетарского движения в начале XX в., проанализированный «по горячим следам» А.А. Богдановым, но не нашедший адекватного отражения ни в официальных партийных документах, ни в более поздних исследованиях по истории рабочего и революционного движения в России.

7. Разработанные А.А. Богдановым закономерности всеобщей организационной науки тектологии представляют собой не столько философскую систему (как их характеризуют с общепринятой точки зрения на историю развития отечественной науки), сколько эффективные методы систематизации и последующего анализа эмпирических фактов. Результатом такого анализа может стать новая, более реалистическая интерпретация наблюдаемых явлений вследствие устранения ряда противоречий, неустранимых (а зачастую и необнаружимых) с помощью традиционных методов исследования.

8. Выполненный А.А. Богдановым анализ эволюции финансового капитализма на рубеже XIX и XX веков был положен в основу оригинальной концепции экономических, социальных и политических кризисов. С точки зрения данной концепции, в основе любого кризиса лежит нарушение равновесия между процессами производства и потребления жизненных благ в конкретной социально-исторической ситуации, т.е., в конечном счете, острота кризисных тенденций определяется степенью направленности производственных мощностей общества на решение задачи жизнеобеспечения населения в условиях ограниченности ресурсов. Такая интерпретация природы кризисов (включая наиболее интенсивные и деструктивные из них – военные) обладает высоким эвристическим потенциалом применительно к экономическим и историческим исследованиям.

9. Предложенная А.А. Богдановым еще в 1918 г. концепция «военного коммунизма», представляющая собой частный случай применения методов тектологического анализа, является эффективным инструментом исследования исторических событий XX века. С точки зрения этой концепции, процесс развития индустриального общества в Евразии первой половины XX столетия представляет собой не столько борьбу «тоталитаризма» и «демократии» (или «фашизма» и «коммунизма»), сколько выстраивание системы планомерного регулирования национальных экономик милитаристскими либо технократическими методами с целью нейтрализации деструктивных последствий глобального кризиса, имевшего форму мировых войн.

10. Богдановская концепция социализма (или «коллективизма», в терминологии самого ученого) исключала насильственное переустройство общества, предполагая трансформацию социальной системы через нейтрализацию негативных (дезорганизующих) воздействий финансового капитала или порожденной им «военно-коммунистической» бюрократии на

хозяйственную систему, главной функцией которой в норме является жизнеобеспечение общества.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на кафедре истории и документоведения исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. Результаты исследования были доложены и обсуждены на 16 международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях и были опубликованы в 25 научных работах, в том числе в 2 монографиях и16 статьях в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Структура диссертации определена объектом и предметом исследования в соответствии с исследовательскими задачами и логикой изложения. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованной литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, степень ее изученности, научная новизна, практическая и теоретическая значимость, определяются цели и задачи исследования, его объект и предмет, характеризуется методологическая база, степень достоверности и апробации результатов исследования, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Анализ исторических и историографических источников»** осуществлен развернутый анализ историографических материалов и исторических источников, послуживших основой выполненного исследования. При анализе историографии научного наследия А.А. Богданова отмечена идеологическая заданность антибогдановских работ 1930-х – 1960-х годов, выделены ключевые предпосылки формирования «черной легенды» о «ревизионизме» и «реакционности» взглядов создателя тектологии. Также большое внимание уделено современным изысканиям, отмечены их характерные особенности – прежде всего, стремление авторов изучать отдельные аспекты научной, политической и культурно-просветительской деятельности А.А. Богданова, но без малейших попыток создать целостную картину развития мировоззрения ученого, а уж тем более проследить связи между формированием этого мировоззрения и событиями отечественной и мировой истории. При анализе историографии общественно-политической

проблематики второй половины XIX – первой трети XX столетия выделено 6 групп материалов, посвященных изучению факторов, которые оказали во многом определяющее влияние на формирование научного и общественно-политического сознания в указанный период:

1) Исследования по истории реформ Александра II (в особенности крестьянской реформы), а также о предпосылках данных преобразований[1], позволяющие охарактеризовать состояние социально-экономической и политической системы страны в 1860-е – 1910-е годы и оценить реальное состояние системы производства и распределения жизненных благ в Российской империи.

2) Исследования по истории общественно-политических движений второй половины XIX – начала XX в.[2], в том числе по марксистской проблематике[3], дополняющие аналитическими данными собранный источниковый материал и облегчающие его интерпретацию в соответствии с господствовавшей в данный период парадигмой мышления.

3) Работы по философии и системному анализу, содержательно связанные с богдановскими концепциями эмпириомонизма и тектологии[4] и подтверждающие возможность практического применения отдельных положений указанных концепций в прикладных исследованиях.

4) Исследования по истории Первой Мировой войны (в особенности по организации экономической и общественно-политической жизни в воюющих

---

[1] Литвинов М.А. История крепостного права в России. М.: Типография Вильде, 1897. 368 с.; Эйдельман Н. «Революция сверху» в России // Наука и жизнь. М., 1988. №11, №12; Наука и жизнь. М., 1989. №1; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. М., 1995. №1 С. 76–87; Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. 574 с.; Тюрин А.В. Оболганный император. Правда о Николае I. М.: Яуза-Эксмо, 2010. 576 с.

[2] Орлов В.И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Изд-во политкаторжан, 1934. 399 с.; Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 446 с., ил.; Кисельникова Т.В. Общественно-политическая мысль в России в конце XIX – начале XXв.: идеи либерального социализма. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2010. 360 с.; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.; Новиков В. Спецслужбы против имперской канцелярии: миф или реальность? // Россия XXI. М., 2000. №3. С. 122–159.

[3] Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для изучения. М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. 480 с.; Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р. Русская Реформация XX века: статьи по культурософии советизма. М.: Новый Хронограф, 2008. 264 с.

[4] Винер Н. Кибернетика. Управление и связь в животном и машине. М.: Сов. радио, 1958. 215 с.; Ларичев О.И. Наука и искусство принятия решений. М.: Наука, 1979. 200 с.; Пригожин И., Стернгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.; Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015 400 с.; Моисеев Н.Н. Возвращение к гуманистическим традициям // Наука и жизнь. М., 1988. №4. С. 36–41; Моисеев Н.Н. Тектология А.А. Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 8–13; Абалкин Л.И. Тектология А.А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вопросы философии. М., 1995. №8. С. 3–7.

странах)[1], а также по истории революции 1917 г. и Гражданской войны в России[2]. Собранные авторами данных работ материалы, интерпретируемые в русле богдановской концепции, позволяют по-новому оценить ряд исторических событий начала XX столетия.

5) Исследования по экономической и социальной истории СССР[3], Германии[4] и США[5] конца 1920-х – начала 1930-х годов, на уровне фактов подтверждающие точность выводов А.А. Богданова о характере и перспективах эволюции «военно-коммунистической» хозяйственной системы в мирное время.

6) Произведения, непосредственно связанные с биографией А.А. Богданова[6] и позволившие уточнить ряд принципиальных моментов при описании процесса формирования мировоззрения ученого.

Историографические материалы дополняются источниками, условно разбитыми на 7 групп:

1) Произведения революционеров-демократов Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева, народников П.А. Кропоткина и П.Л. Лаврова, публицистов

---

[1] Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.; Уткин А.И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. 624 с.

[2] Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Том 1 и 2. Большевистская революция, 1917–1923. М.: Прогресс, 1990. 768 с.; Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России. М.: Собрание, 2006. 288 с.; Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918–1919 г.). Новосибирск: [Б.и.], 2008. 440 с.

[3] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2-х т. М.: Госиздат, 1937; Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.

[4] Семиряга М.И. Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридич. литература, 1991. 384 с.; Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание. В 2-х т. Смоленск: Русич, 1994; Немчинов А. Олигархи в черных мундирах. М.: Яуза, 2005. 352 с.

[5] Зорин В.С. Некоронованные короли Америки. 3-е изд. М.: Политиздат, 1970. 368 с.; Уткин А.И. Как пережить экономический кризис. Уроки Великой депрессии. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 320 с.; Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. 542[2] с., ил.; Шустов А.В. 100 лет триумфа: ФРС США и Начало американской эпохи. СПб.: [Б.м.], 2013. 124 с.; Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. 352 с.

[6] Покровский М.Н. Александр Александрович Богданов (Малиновский) [некролог] // Вестник Коммунистической Академии. Кн. 26 (2). М., 1928. С. V – X; Лепешинский П.Н. Трагедия крупного ума // Огонек. 22 апр. 1928 г. №17 (265); Богомолец А.А. Памяти А.А. Богданова. К вопросу о научном и практическом значении метода переливания крови // Богомолец А.А. Избранные труды. В 3-х т. Т.2. Киев: Издательство АН УССР, 1957. С. 183–186; Белова А.А. Александр Александрович Богданов. М.: Медицина, 1974. 60 с.; Плютто П.А. Время и люди (Из архивов А.А. Богданова) // Социологические исследования. М., 1992. №11. С. 133–142; Кузьминых Н.А. Архитектор «нового мира». К биографии Александра Богданова // Вестник Российской Академии наук. М., 1992. №12. С. 57–78; Клебанер В.С. Александр Богданов и его наследие // Вопросы философии. М., 2003. №1. С. 105–110; Базаров В.А. А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель {и популяризатор} (1873 – 1928) // Вопросы философии. М., 2004. №6. С. 106–123; Wolf B.D. Three Who Made a Revolution. Boston: Random House, 1960. 385 p.

Н.В. Шелгунова и Ф.П. Еленева (Н. Скалдина)[1], характеризующие базовые элементы мировоззрения интеллигентов, рожденных в 1870-е годы.

2) Труды К. Маркса и Ф. Энгельса, а также русских марксистов (легальных, наподобие П.Б. Струве[2], и нелегальных, среди которых особо выделялись Г.В. Плеханов[3] и В.И. Ленин[4]), оказавшие ключевое влияние на группу лидеров революционного движения, в которую входил А.А. Богданов.

3) Мемуары крупнейших деятелей либерального земского движения И.В. Гессена «В двух веках» и И.И. Петрункевича «Из записок общественного деятеля», «Исповедь» раскаявшегося революционера-народника В.И. Кельсиева, а также воспоминания жандармских офицеров высокого ранга А.И. Спиридовича «При царском режиме» и С.В. Завадского «На великом изломе»[5]. Тематически к этой группе примыкают воспоминания П.Н. Милюкова[6], С.Ю. Витте[7] и биографические материалы о П.А. Столыпине[8]. Все эти источники характеризуют взгляды представителей «огромного клуба всероссийской оппозиции» и механику ее взаимодействия с государственной властью Российской империи, позволяя выявить цели, задачи и формы политической активности ведущих групп русской интеллигенции.

---

[1] Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. В 15-ти т. М.: Госиздат, 1949–1952; Писарев Д.И. Полное собрание сочинений. В 6-ти т. СПб., 1894; Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990; Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1965; Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. III. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 196–207; Скалдин Н. (Еленев Ф.П.) В захолустье и в столице // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. Вып. III. М.: Изд-во Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1956. С. 33–41.

[2] Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. 287 с.

[3] Плеханов Г.В. Развитие монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Сочинения. В 30 т. Т. 7. М.: Госиздат, 1923. С. 64–326; Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Плеханов Г.В. Избранные произведения. В 5-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 236–266; Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-ти т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 33–194.

[4] Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 347–534.

[5] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // // Архив русской революции. Берлин, 1934. Т. 21. С. 5–467; Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 5–422; Кельсиев В.И. Исповедь // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 169–310; Спиридович А.И. При царском режиме // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 85–207; Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 5–42; Т 11. С. 5–73.

[6] Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М.: Современник, 1990.

[7] Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849 – 1911 гг. М.: Мысль, 1991. 720 с.

[8] Изгоев А.С. П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М.: Книгоизд-во К.Ф. Некрасова, 1912. 136 с.; Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. М.: Товарищество «А.Н. Сытин и Ко», 1992. 255 с.

4) Документальные материалы по истории российского социал-демократического движения (стенограммы партийных съездов[1], а также архив Б. Николаевского[2]), которые в сочетании с мемуарами партийных активистов среднего и низового звена[3] дают представление о качестве взаимодействия лидерской (преимущественно эмигрантской) верхушки РСДРП с российскими организациями в первое десятилетие XX в.; содержательно к этой же группе источников примыкают документальное расследование Н.В. Валентинова «Малознакомый Ленин»[4], полемическо-публицистические работы Л.Д. Троцкого[5], а также воспоминания участников вологодской ссылки, лично взаимодействовавших с А.А. Богдановым.

5) Труды философов-идеалистов «серебряного века»[6], не только влиявших на мировоззрение творческой и властной элит царской России, но и оставивших заметный след в идеологии предреволюционного общества.

6) Полемические работы с критикой богдановских концепций эмпириомонизма и тектологии[7] и содержательно близкие этим концепциям труды австрийского физика и философа Э. Маха[8]. Данная группа источников характеризует философские аспекты преследований Богданова со стороны лидеров-идеологов РСДРП.

7) Материалы по истории Первой Мировой[9] и Гражданской войн[1],

---

[1] Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций. Третий съезд РСДРП (май–июнь 1905 г.). М.: Госполитиздат, 1959. XVI, 782 с.; Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС. Пятый (Лондонский) съезд РСДСРП. 30 апреля–19 мая (13 мая–1 июня) 1907 г. М.: Госполитиздат, 1963. XXIII, 951 с.

[2] В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908-1912 гг. // Вопросы истории. М., 2010. №№6, 7, 9–11; М., 2011. №№1–3, 5–12; М., 2012. №№1–3.

[3] Лалаянц И.Х. У истоков большевизма. Зарождение РСДРП. М.: Молодая гвардия, 1934. Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911–1914). 64 с. В 3-х вып. М., Пг.: Госиздат, 1923.

[4] Валентинов Н.В. Малознакомый Ленин. СПб.: «Мансарда», «Смарт», 1991.

[5] Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.

[6] Проблемы идеализма. Сб-к статей. Под ред. П.И. Новгородцева. М.: Изд-е Московского психологического общества, 1902. 522 с.; Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1990.; Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей (1896–1903). М.: Товарищество «Общественная Польза», 1903.; Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Изд-е М.В. Пирожкова, 1907. L, 233 с.; Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Междунар. отношения, 1990. 336 с.

[7] Аксельрод Л.И. Философские очерки. Ответ философским критикам исторического материализма. СПб.: Изд-е М.М. Дружининой и А.Н. Максимовой, 1906. 233 с.; Плеханов Г.В. Materialismus militans // Плеханов Г.В. Сочинения. 3-е изд. В 24-х т. Т. 17. М.: Госиздат, 1924. С. 1–100; Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Сочинения. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 7–384.

[8] Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 304 с.; Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 456 с.

[9] Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т.17 С. 5–169; Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923.

характеризующие социально-экономическое и политическое состояние воюющих стран (в первую очередь России), поскольку анализ этих сведений послужил А.А. Богданову фактологической основой для создания теории «военного коммунизма». По своему содержанию к данной группе источников примыкает монография Р. Гильфердинга «Финансовый капитал»[2], в которой анализируются изменения мировой экономической системы, предшествовавшие глобальной войне и во многом послужившие ее причинами.

Завершается первая глава анализом произведений А.А. Богданова как исторических источников: оценивается степень корреляции научных и политических взглядов ученого с общим культурно-историческим контекстом эпохи, включающим в себя не только общий уровень развития наук, но и господствующие направления общественно-политической мысли, а также доминирующие формы социальной практики. Отмечается, что по своей внутренней структуре произведения Богданова «выпадали» из господствующего культурно-идеологического ряда:

1) В отличие от подавляющего большинства своих современников, Богданов предлагал *не философскую концепцию*, основанную на субъективной интерпретации событий, *а* ***научный метод***, базирующийся на объективном анализе фактов в соответствии с эмпирически подтвержденными закономерностями. Эта особенность тектологии была попросту не замечена современниками, дискреционно определившими богдановскую разработку по ведомству философии.

2) Интеллектуальная элита «серебряного века» в силу своего воспитания и образа мысли была ориентирована в большей степени на полемические дискуссии и отстаивание индивидуального мнения, чем на рациональный анализ структурно-функциональных характеристик экономической и общественно-политической жизни страны и, соответственно, на установление объективной истины.

3) Несмотря на декларируемую приверженность идеям либерализма и

Т.9 С. 5–90; Записки белогвардейца-лейтенанта N.N. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т.10. С. 56–113; Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета Министров 16 июля–2сентября 1915года) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т.18. С. 5–136.

[1] Каутский К. От демократии к государственному рабству (Ответ Троцкому). Берлин: Изд-во журнала «Социалистический Вестник», 1922. 168 с.; Мельгунов С.П. Красный террор в России. М.: СП «PUICO», P.S., 1990. 208 с.; Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Мюнхен: Явь и быль, 1948. 278 с.; Уэллс Г. Россия во мгле // Уэллс Г. Сочинения. В 15-ти т. Т. 15. М.: Правда, 1964. С. 315 – 376.

[2] Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Знаменский и К°, 1912. XXIX, 576 с.

демократизма, которые предполагают свободный обмен мнениями, большинство политических идеологов начала XX столетия мыслило и действовало преимущественно в рамках авторитарной культуры сотрудничества, характеризующейся жестким дихотомическим мировосприятием по принципу «Кто не с нами, тот против нас».

Указанные обстоятельства обусловили неприятие богдановских разработок со стороны лидеров-идеологов РСДРП (что проявилось, прежде всего, в соответствующих работах Г.В. Плеханова и В.И. Ленина), а также со стороны тогдашнего научного сообщества, воспринимавшего тектологию едва ли не как философское обоснование политической идеологии большевизма[1].

Во **второй главе «Становление личности А.А. Богданова»** рассматривается начальный период развития мировоззрения ученого, просветителя и политика. Помимо влияния семейного и социального окружения на формирование специфического системного образа мысли[2], оценивается влияние культурно-исторического контекста 1890-х годов, весьма противоречивого в политико-идеологическом отношении. С одной стороны, в обществе сохранялся комплекс либеральных и демократических идей, сложившийся в царствование Александра II, с другой стороны, присутствовали негативные социально-экономические тенденции конца XIX в., обусловленные крестьянской реформой 1861 г., которая предполагала реальное освобождение крепостных не ранее 1932 г. и, вследствие некритического копирования западного опыта капиталистической индустриализации, на практике привела ***к разорению 83% населения империи***. Эта ситуация породила политический терроризм «низов» интеллигенции, ее увлечение радикальными теориями (в том числе марксизмом) и жесткую репрессивную реакцию властей на несанкционированную политическую активность. Исключение А.А. Богданова из Московского университета и последующая ссылка в Тулу рассматриваются как частный случай такой репрессивной политики.

Во время ссылки А.А. Богданов был вовлечен в деятельность рабочего кружка самообразования, который возглавлял оружейник И.И. Савельев. В

[1] Наиболее отчетливо на эту тему высказался немецкий философ Иоганн Пленге.

[2] Во многом определяющее влияние на мировоззрение будущего создателя тектологии оказал период учебы в Тульской гимназии, где вокруг А.А. Богданова (Малиновского) сформировался товарищеский кружок, куда входили известный экономист-марксист В.А. Руднев (Базаров), советский государственный деятель П.Г. Смидович, видный медик-гематолог И.Н. Соболев, выдающийся физик-экспериментатор Т.П. Кравец.

процессе взаимодействия с рабочими произошел переход молодого ученого с народнических на марксистские позиции[1]. Размышления над историей пролетарского движения на Западе помогли ему выявить не только отличительные черты реальной идеологии промышленного пролетариата России, но и причины отчуждения привилегированных сословий, некритически копировавших европейский образ жизни, от большинства населения страны, которое ориентировалось на общинное взаимодействие, формировавшееся *по собственному, специфически-**российскому** образцу*. Политическая и творческая элита игнорировала этот факт, а народные массы признавали только то, что ***Россия – это Россия, а не Запад и не Восток***. Недооценка этой данности порождала в интеллигентских кругах бесперспективную, лишенную смысла идейную полемику, которая еще более усугубляла непонимание того, что некритические заимствования изолированных элементов хозяйственной практики европейских стран слабо интегрировались в существующую российскую систему общественно-экономических отношений.

Необходимо отметить особый характер богдановского марксизма. В отличие от российских интерпретаторов доктрины К. Маркса (который на самом деле многократно отмечал, что создал не политико-философскую концепцию, а сугубо научную методику комплексного анализа социально-экономических процессов, и связывал перспективы развития российского общества не с насаждением в аграрной империи капиталистических отношений, а с социально-экономическими преобразованиями в интересах крестьянских общин[2]), Богданов не пошел по пути академического изложения «Капитала». В 1897 г. он опубликовал свою первую научную работу – учебное пособие «Краткий курс экономической науки», где изложил оригинальную синтетическую концепцию, включившую в себя, наряду с марксизмом, такие идеи П.А. Кропоткина, как признание человеческих потребностей и социальной солидарности отправными пунктами экономического сотрудничества, а также разработанную Н.Я. Данилевским

[1] Сам Богданов отмечал, что его выбор в пользу марксизма как методологической основы «Краткого курса экономической науки» во многом определило знакомство с работой В.И. Ленина «Экономическое содержание народничества» (См.: Богданов А.А. Автобиография [1925 г.] // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. М.: Советская Энциклопедия, 1989. С. 361).

[2] Подробнее об этом см.: Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 116–121; Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 400–421. Косвенным образом данную точку зрения Маркса подтверждает П.В. Анненков (см.: Анненков П.В. Замечательное десятилетие // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. С. 277–280).

тему влияния природно-климатического фактора на развитие хозяйственной и общественной жизни.

Оригинальность богдановской интерпретации марксизма заключалась в перемещении акцентов с *права собственности* на *методы организации производства и распределения жизненных благ*. Это доктринальное положение привело к формированию идей, пионерных для социальных наук того времени. Так, предложенная Богдановым концепция подвижного равновесия между процессами производства и потребления позволяла более эффективно анализировать характерные для капитализма экономические кризисы (аналогичную теорию Дж.М. Кейнс сформулировал лишь в 1920-х гг.). Далее, нестандартная интерпретация классовой борьбы позволила молодому ученому сформулировать стратегию бескровного перехода от капитализма к социализму (аналогичную по смыслу «теорию конвергенции» П.А. Сорокин предложил только в 1940-х гг.). Наконец, предложенная А.А. Богдановым концепция классообразования как результата разделения общественного труда на организаторский и исполнительский открывала возможности для эффективного анализа сложных форм коллективной деятельности людей. Аналогов у этой концепции нет и в настоящее время, хотя в последующих работах автора «Краткого курса…» эта специфика богдановского марксизма получила дальнейшее развитие.

Особое значение в этом смысле имеют такие произведения А.А. Богданова, как «Основные элементы исторического взгляда на природу» (1899) и «Познание с исторической точки зрения» (1901). Эти книги, как отмечал сам автор, фактически были, подобно «Краткому курсу экономической науки», учебными пособиями для грамотных рабочих, но касались уже вопросов «общего мировоззрения», что обусловило системный характер изложения материала, включившего в себя новейшие на тот момент научные представления о природе и обществе.

В «Основных элементах…» ученый предложил непривычную для XIX в. «***динамическую***» картину мира, в которой каждый объект являлся *элементом закономерного процесса мирового развития*. В то же время категория «абсолютного» интерпретировалась Богдановым как предельно абстрактное представление о социальном характере любого знания и всех форм человеческой деятельности. Хотя предложенная ученым концепция *социального* познания и в наше время обладает большим эвристическим потенциалом, тем не менее в начале XX в. «Основные элементы…» были крайне прохладно встречены научной и философской общественностью.

Нетрадиционными и те идеи, которые А.А. Богданов высказал в «Познании с исторической точки зрения». Издание этой книги по времени совпало с активизацией попыток земской вестернизированной интеллигенции войти во власть ради преодоления российской «отсталости» и «косности» – качеств, понимаемых этой группой исключительно как несоответствие отечественного образа жизни европейским шаблонам. Отсутствие организационного и мировоззренческого единства в среде земцев, придерживавшихся *гуманитарной парадигмы мышления,* способствовало свед***е***нию политических вопросов не столько к социально-экономической проблематике, сколько к этике, интерпретируемой главным образом в религиозном ключе.

Многообразию дискуссионно выражаемых политизированных суждений о нерешенных проблемах России Богданов противопоставил в «Познании…» строгую классификацию способов формирования у людей сознательного восприятия жизненных реалий. Это было необходимо, поскольку непрерывная «битва мнений» вела к политической и мировоззренческой дезориентации многомиллионных масс. К сожалению, богдановская концепция, лишенная политической окраски и выстроенная в рамках неп***о***нятой российскими интеллигентами парадигмы, встретила достаточно жесткий отпор со стороны тогдашней научной и публицистической общественности, увидевшей в «Познании с исторической точки зрения» всего лишь наивную попытку создать «всеобщую классификацию наук» в духе натурфилософии XVIII в.

Подобная *редукция научных методик системного характера до уровня простых полемически высказываемых мнений*, к сожалению, являлась характерной особенностью мировоззрения определенной части российской интеллигенции конца XIX – начала XX столетия. Именно этим объясняется такой удивительный феномен, как интенсивное, буквально взрывообразное по своим темпам распространение марксизма в России и столь же быстрое разочарование в идеях, высказанных автором «Капитала»: российская образованная публика разом охладела к Марксу, не обнаружив в его работах ни широких философских обобщений, ни полемического задора, ни – главное! – подтверждения правильности своих представлений о Западе как безоговорочном лидере мирового развития. Вместо этого немецкий ученый в течение последнего десятилетия своей жизни неустанно убеждал некритически воспринявших его труд читателей в том, что вместо всеобъемлющей философско-исторической доктрины *«Капитал»*

представляет собой всего лишь методику анализа процессов развития социально-экономической системы, причем изложенные выводы базируются исключительно на западноевропейском историческом материале, а при опоре на другие исходные данные неизбежно получатся другие выводы. По целому ряду причин эта позиция Маркса, многократно озвученная в беседах (в том числе с русскими оппозиционерами) и письмах (прежде всего, в письме в редакцию журнала «Отечественные Записки», а также в письме к В.И. Засулич от 8 марта 1881 г.), оставалась для русской общественности того времени практически неизвестной. В итоге реальные выводы Маркса о социально-экономической специфике Российской империи подменялись в сознании оппозиционной интеллигенции мифами о якобы «научной обоснованности» неизбежной вестернизации России под руководством европейски образованной элиты. Этим мифам благополучная часть русского интеллектуального сообщества противопоставляла другие – об «этической ущербности» и «бесчеловечности» социализма, толкование которого у реформаторов и революционеров, как правило, шло вразрез с привычной для интеллигенции гуманитарной парадигмой мышления.

Выход из этого мировоззренческого тупика А.А. Богданов видел не в полемике (безрезультатность которой отчетливо наблюдал во время философских дискуссий между политическими ссыльными в Вологде в 1902 – 1904 гг.), а в формировании *принципиально новой* ***синтетической*** *парадигмы мышления*, объединяющей в себе сильные стороны естественнонаучной и гуманитарной парадигм. Для решения этой задачи молодому ученому потребовалось сопоставить сведения из истории политических движений Запада и России, содержание полемических баталий в среде ссыльных интеллигентов-оппозиционеров, а также результаты анализа общественно-политических реалий России начала XX в. Проведенное исследование убедило А.А. Богданова в том, что характерные для оппозиционной интеллигенции в целом и для русских марксистов в частности разногласия являются следствием *крайне невнимательного отношения к фактам национальной истории при гипертрофированной оценке значимости исторического опыта Запада.*

В конце 1870-х годов к этому выводу пришел сам Карл Маркс, который, *самостоятельно освоив русский язык*, взялся за систематическое изучение хозяйственной и общественной жизни Российской империи ***по первоисточникам***, и только смерть помешала этому европейскому мыслителю создать на основе своих изысканий фундаментальную работу, возможно,

сопоставимую по масштабам с «Капиталом». Альтернативу попыткам устроить на русской почве капитализм западного образца Маркс увидел в том, чтобы переориентировать власти и общественность России на поддержку жизненных интересов государствообразующих трудовых сословий, организованных в общину в национальном масштабе[1]. И напротив – планируемое до 1932 г. продолжение прежней политики, при которой выплаты от бывших крепостных в казну, по данным из российских официальных источников, достигали 198,25% от уровня их доходов с земельных наделов[2], могло привести Российскую империю лишь к социальной катастрофе невиданных масштабов: к революции звал не К. Маркс – ее провоцировала сама власть[3].

Спустя три десятилетия А.А. Богданов самостоятельно пришел к похожим выводам: *вестернизационные доктрины, популярные в различных группах российской элиты, не могли укорениться в идеологии реального большинства населения страны, поскольку крайне слабо коррелировали с его образом жизни и отражающей эту жизнь общинно-коллективистской идеологией.* В этой ситуации тяготение политической и интеллектуальной элит Российской империи к авторитарной модели взаимодействия с основной массой трудового населения представляло принципиальную угрозу для любой модели социальных преобразований. Ведь если спланированная лидерским меньшинством последовательность действий по изменению жизни общества окажется непонятной для большинства рядовых граждан, то закономерным итогом их деятельности (при отсутствии *осознания целей и смысла выполняемых преобразований*) окажется расход ресурсов общества без решения имеющихся проблем и нарастающее отчуждение – вплоть до полного прекращения сотрудничества – между организаторами и исполнителями. Однако объективная опасность тотальной дестабилизации всей системы хозяйственных и общественных отношений не принималась в расчет противостоящими группировками, идеологи которых были уверены в том, что сугубо верхушечный переворот не окажет деструктивного воздействия на традиционно пассивное большинство населения империи.

---

[1] «Если обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя» (Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 410).

[2] См.: Маркс К. Заметки о реформе 1861 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 434. Маркс ссылается на XXII том официальных публикаций «Комиссии для пересмотра системы податей» и «Синие книги» «Сельскохозяйственной комиссии» правительства Российской империи.

[3] Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 410.

В **третьей главе диссертации «А.А. Богданов – теоретик и практик системно организованной работы РСДРП»** анализируется влияние отмеченных выше функциональных особенностей мышления и поведения российской элиты, не отражавших волеизъявления народа, на характер просветительско-пропагандистской работы А.А. Богданова в РСДРП в период революции 1905–1907 гг. В первую очередь, это касается начатой молодым лидером РСДРП выработки синтетической парадигмы научного мышления, призванной преодолеть *разобщение* специализированных подходов к знаниям о человеке и окружающей его реальности, *характерное для научно-теоретической мысли* указанного исторического периода. Альтернативой такому «дроблению человеческого опыта» Богданов видел формирование целостной системы точных рациональных знаний, органически преемственной по отношению к уже имевшимся и понятной каждому, но при этом ориентированной на качественно высшие и лучшие методы социального сотрудничества – «коллективистические» и монистические, устраняющие основания для мировоззренческой разобщенности.

Наличие такой разобщенности в рабочем движении А.А. Богданов связывал с общей методологической ошибкой лидеров-идеологов, рассматривавших сознание и мышление людей исключительно как феномены психологии при полном игнорировании *социальной* природы этих явлений. Это находило отражение в упорных попытках интеллигенции насадить в русском обществе ***свои*** нормы и правила под видом «абсолютных» (научных или нравственных) истин, которые дальнейшее познание может лишь уточнять и расширять, но не менять. Богданов считал: подобные «абстракции от несуществующего опыта»[1] у простонародья легко наполняются произвольным содержанием и потому не могут служить основой для «коллективистического» мировоззрения.

Эти размышления ученый изложил в цикле статей под общим названием «Эмпириомонизм» (1904–1906), где были представлены основы первой в мире методики системного анализа в виде закономерностей, не имевших аналогов в социальной философии того времени.

А.А. Богданов утверждал, что познание должно опираться на эмпирически подтвержденные факты. В нем нет места «фетишам» и произвольным толкованиям достоверных событий. Единственной не вызывающей сомнений основой знания людей о мире является *опыт*,

[1] Выражение А.А. Богданова. См.: Богданов А.А. Из психологии общества. 2-е изд. СПб.: Книгоизд-во «Паллада», 1906. С. 30.

отличающийся лишь по форме организации (индивидуальный либо социальный), но не по «субстанции». Познание не может быть делом одной только философской гносеологии, оторванной от процесса развития естественных и общественных наук, без знания которых просто немыслимо делать компетентные умозаключения ни о развитии производства на уровне технологий XIX–XX вв., ни о состоянии общества, ни о природе человека. Кроме того, для эффективного познания нужна не «борьба мнений», а *согласованное взаимодействие исследователей*.

А.А. Богданов настаивал на том, что подчинение жизненной практики только нравственным нормам хотя и способно привести к *гармонизации социального сотрудничества*, но недостаточно, чтобы служить организующим инструментом целесообразной практической деятельности. По выводам ученого, трансформация общественной идеологии позитивна только в том случае, если повышается уровень организованности *путем побуждения всех классов и сословий к взаимодействию на благо социального целого*. Выработку такой идеологии Богданов поставил своей основной задачей в российском социал-демократическом движении. Его работа в период подготовки III съезда РСДРП была объективно направлена на то, чтобы компенсировать ошибки заграничных идеологов партии, связанные с недооценкой роли идеологии в общественной жизни, а также с гипертрофированным представлением о роли «эксцитативной» критики в формировании политических убеждений. Основы своей системы Богданов изложил в цикле статей «Новый мир» (1905), где отметил три принципиальных момента:

1) Критика представляет собой инструмент анализа, т.е. мысленного дробления изучаемого сложного объекта на более простые элементы, тогда как для формирования убеждений, сознательного отношения к ситуации требуется, напротив, синтез, объединение знаний и жизненного опыта коллектива.

2) Для осуществления подобного синтеза необходима упорядоченная и непротиворечивая система знаний и навыков, свойственных определенному сообществу с таким уровнем развития идеологии, при котором «в опыте каждого имеется уменьшенное, но верное и гармоничное отражение опыта всех, когда в переживаниях другого никто не находит ничего принципиально недоступного и непонятного»[1].

3) Как констатировал Богданов, на практике в РСДРП и других оппозиционных движения преобладала «эксцитативная» агитация,

[1] Богданов А.А. Новый мир // Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 44.

непригодная для формирования целостного мировоззрения, так как она порождает в общественном сознании стойкий когнитивный диссонанс вследствие «вброса» идей, по большей части малопонятных и даже принципиально чуждых массам. В ситуации когнитивного диссонанса в выигрышном положении оказываются только вожди-толкователи, роль которых перманентно оказывается решающей. Зато общественное сознание приобретает внутренне противоречивые черты, которые объективно способствуют сохранению раздробленного и дисгармоничного состояния масс.

Рекомендации А.А. Богданова сводились к тому, чтобы пересмотреть роль интеллигенции в партийных коллективах: руководители-идеологи должны были стать не «учителями марксизма», не «духовными властителями», а организаторами, так как в работе с массами «решается не отвлеченный вопрос. Это вопрос об идейном рабстве или свободе, о стаде или сознательном коллективе»[1].

Живым примером такого функционального сотрудничества стала работа большевиков по подготовке III съезда РСДРП. Фактически все руководство этим проектом взяла на себя «символическая тройка – Л(енин), К(расин) Б(огданов) – нормист, технист, коллективист»[2]. В этой команде функциональные обязанности распределялись следующим образом: «нормист» знал, *что* делать, и «дирижировал» сподвижниками; «технист» решал, *как* обеспечить то, чего требовал «нормист»; а «коллективист» пояснял нелегалам-практикам, *для чего* и *каким образом* нужно выполнять запланированное «нормистом» и обеспеченное «технистом». Только в этом случае ***конструктивная направленность агитационного воздействия***, жестко связанного с общезначимыми мировоззренческими ценностями большинства населения, получала возможность на долгое время закрепиться в идеологии и практике общества.

Результаты работы «символической тройки» большевистских лидеров проявились в течение 1903–1905 гг., когда число активных сторонников социал-демократизма возросло в России с нескольких сотен человек до 50 тысяч. В то время только А.А. Богданов понимал, что его методика просветительско-пропагандистской работы с населением кардинально отличалась от шаблонов, привычных для российской оппозиции начала XX в. Выполнив критический разбор традиционных политических идеологий, ученый обнаружил бесперспективность политического объединения, в

[1] Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма // Неизвестный Богданов. Кн. 3. М.: ИЦ «АИРО-XX», 1995. С. 43.

[2] Богданов А.А. Записная книжка // РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 21 об.

котором участие в общем деле двух сил с разнонаправленными задачами являлось *неравным партнерством поневоле* и вело лишь к развитию «организационной неустойчивости». Невнимание руководства РСДРП к данной проблеме вело на практике к поддержанию старых стереотипов «кружковой» работы и обеспечению личной преданности партийных масс своему руководству. На этом фоне успех «зубатовщины», совершенствование методов политического сыска и – напротив – ослабление революционного движения в России оказались вполне закономерными явлениями. Ключевую роль в развитии ситуации сыграл отказ от богдановской стратегии внутрипартийного сотрудничества на основе мировоззренческих принципов *коллективизма*, предполагавших действие партии как единого целого, решающего задачи, понимаемые всеми одинаково. В процессе только такой *общей работы* могло происходить выравнивание теоретического и практического мастерства сотрудничающих коллективистов, осознанно сводящих свой опыт в целостную систему.

От такой стратегии отказались как лидеры-эмигранты, так и значительная часть партийной интеллигенции на местах. Углубление возникшего в 1902 г. раскола РСДРП продолжилось, поскольку деление на фракции осложнилось добавлением к существующей борьбе между ними еще и нараставшей дезорганизационной тенденции, связанной с наличием в пролетарском движении *сразу двух равноправных руководящих учреждений* – «политического» ЦК и «литературного» ЦО. Непрекращающееся соперничество между ними приобрело, по мнению российских нелегалов, неравновесный характер, угрожавший партийной целостности, сохранить которую, по Богданову, могло лишь создание единого руководящего центра на территории России.

Это было особенно важно, потому что в самом начале XX в. события в империи стали развиваться интенсивно и непредсказуемо. Еще в ходе русско-японской войны общественные движения пытались «выбить» из царского правительства желаемые преобразования, используя простонародное большинство в качестве «ударной силы», лишенной, как считалось в лидерских кругах, политического самосознания. Однако для противоборствующих группировок элиты оказалось неожиданным открытием наличие у трудовых сословий *собственных политических интересов*, никак не связанных ни с конституционализмом, ни с монархизмом, ни с вестернизацией России.

Неготовность идеологов к реальной работе с массами побудила

А.А. Богданова к продолжению разработки новой методологической концепции с опорой на синтетическую (универсальную) парадигму мышления, проводившую четкую границу между *системно структурированным объективным* ***знанием*** и *высказываемым субъективным* ***мнением***. Центральным пунктом такого структурированного знания ученый считал *коллективный (т.е. социально организованный) опыт*, позволявший соотносить личные ощущения, переживания и знания с деятельной жизнью окружающих людей, что позволяло гармонизировать социальное взаимодействие и вместе с тем четко разграничить объективные и субъективные элементы мышления.

Сформированная на основе этой основной посылки концепция эмпириомонизма была крайне отрицательно воспринята оппонентами А.А. Богданова, так как идея *социальности познания* фактически лишала всю группу «профессиональных мыслителей» статуса интеллектуальной элиты, «властителей дум», оставляя за интеллигентами-теоретиками лишь скромные обязанности по рациональной систематизации жизненного опыта остальных социальных групп. Закономерным следствием негативной реакции лидеров-идеологов на эмпириомонизм стало преследование А.А. Богданова не только как политического деятеля, но в первую очередь как ученого. Мировоззренческим основанием для травли послужила доктрина «абсолютного марксизма», активно разрабатывавшаяся эмигрантскими лидерами РСДРП в период революции 1905–1907 гг. и ставшая впоследствии основой партийной стратегии и тактики. Этой доктрине А.А. Богданов противопоставил концепцию *управляемой коэволюции мировоззрения пролетариата, крестьянства и интеллигенции* в качестве необходимого условия эффективных социально-экономических и политических преобразований, которые невозможны без кардинального изменения существующей культуры взаимодействия общественных сил.

Конфликт между В.И. Лениным и А.А. Богдановым, вышедший наружу после появления в печати философских очерков «Эмпириомонизм» и «Вера и наука (о книге В. Ильина “Материализм и эмпириокритицизм”)», интерпретируется через противопоставление «абсолютного марксизма» и богдановской «организационной точки зрения», которую ленинцы были не в состоянии ни опровергнуть с опорой на факты, ни заменить столь же эффективной, как у Богданова, методикой анализа и потому использовали для борьбы с ученым «административный ресурс», начиная от исключения Богданова из партии в 1908 г. и заканчивая его травлей в советских изданиях

1920-х годов. Его арест в 1923 г. был продолжением политики дискредитации бывшего вице-лидера большевиков из-за конкурентного противостояния, возникшего после Гражданской войны между богдановским Пролеткультом (общественной организацией) и государственной структурой Главполитпросвета, возглавляемой Я.А. Яковлевым.

В **четвертой главе диссертации «Богдановская методика системного тектологического анализа»** рассматривается разработанная А.А. Богдановым оригинальная методология системного анализа – всеобщая организационная наука тектология. Характеризуются ее теоретические особенности и специфика прикладного применения для анализа сложных социально-экономических, политических и культурно-исторических ситуаций. основной акцент делается на истории поиска Богдановым специфических *организационных закономерностей*, позволяющих анализировать любой упорядоченный процесс в природе и обществе. Отмечается ключевая роль этого поиска в просветительской и исследовательско-аналитической работе ученого, изначально ориентированной на практическое применение. Оценивается междициплинарный характер тектологии.

Всего Богдановым было сформулировано двенадцать организационных закономерностей, на основе которых ученый делал парадоксальные для своего времени выводы. При этом автор «Тектологии» опирался на богатый иллюстративный материал, в том числе на социально-исторические явления, хорошо известные в начале XX в. Например, тезис о противоречиях как источнике движения и развития с тектологической точки зрения получал у Богданова непривычное толкование. По мысли ученого, подлинное развитие состояло в устранении противоречий путем разделения целого на простые части в соответствии с их функциями в системе при сохранении организационной общности, на основе которой восстанавливается целостность системы. Такой подход позволял нестандартно оценивать условия развития, например, государственной власти, поскольку пределы роста любых централизованных структур зависят от сохранения качественных отличий между «центральными» (руководящими) и «периферическими» (подчиненными) элементами[1], а также от своевременного исключения элементов, потребность в функции которых исчезает. Иначе структура неизбежно теряет управляемость и разрушается.

В мировой социал-демократии также остро стоял вопрос о переходе к

[1] Богданов А.А. Тектология. С. 270.

социализму, поскольку этот вопрос в теории Маркса не получил подробного толкования. Зато А.А. Богданов дал развернутый тектологический анализ по этой проблеме. Начиная с того, что у пролетариата пока еще «*минималистское* классовое сознание», а социалистический идеал все еще воспринимается им лишь как «украшение фасада»[1], ученый связал будущее капиталистического мира с доминированием в обществе двух новых социальных сил. Они возникли в период технологического переоснащения промышленных предприятий и связанного с этим функционального обособления учетно-расчетных и иных надзорных обязанностей, с одной стороны, контроля за соблюдением технологических норм и обслуживания машинного парка, с другой стороны. Привлеченные для выполнения этих новых функций группы специалистов-интеллектуалов были изначально ориентированы на соблюдение интересов владельца предприятия. При этом разобщенность данных групп и промежуточность их положения между рабочими и хозяином – основными антагонистами буржуазного строя – делала интеллигенцию силой аполитичной.

Однако Богданов считал, что все изменится с началом надвигавшегося мирового военного кризиса, когда эти группы интеллигенции, так и не объединившись, начнут конкурентную борьбу за приоритетное влияние на властную элиту. Тектологический анализ констатировал неизбежность перехода вчерашних промежуточных групп, продолжавших выполнять роль деловых организаторов капиталистической жизни, в статус господствующего класса[2]. При этом одна группа специалистов могла воздействовать на власть и общество с позиций «техницизма» и пацифизма, другая – с позиций «нормативизма» и милитаризма. Но главное, обе группы, по Богданову, будут побуждать общество к копированию *своих* ***узкогрупповых*** социальных идеалов, подталкивая население к статусным устремлениям, карьерному росту, удовлетворению престижных запросов и т.д. Все это породит ситуацию, предугаданную К. Марксом: капитализм, развиваясь по восходящей линии, вскоре сочтет выгодным для себя пробуждение в массовом сознании пробуржуазных ориентаций, чтобы добрая половина населения западных стран стала воспринимать течение общественной жизни как естественный, «нормальный» ход событий, которому «воздают хвалу даже те, кто остается в

[1] Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 322, 323.

[2] Богданов А.А. От философии к организационной науке // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 112; Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102, 103.

убытке от соответствующего ему способа распределения»[1]. А Богданов спустя полстолетия отметил, что ***не «добрая половина»**, а **весь** буржуазный мир* без обиняков определял любую организацию как «“союз отдельных личностей, совместными действиями осуществляющих свои личные интересы”. Это – понятие *чисто индивидуалистическое*, выработанное в различных группировках мелкой, а затем и крупной буржуазии <…>. Попробуйте строить социалистическую организацию на основе такого отношения к ней»[2], – увещевал соратников-марксистов А.А. Богданов.

Поэтому ученый в начале XX в. больше не связывал судьбу буржуазного мира с социалистическим будущим, которое должно базироваться не на постулатах капитализма, а на динамике решения преобразовательной задачи. Социализм, по Богданову, – это в первую очередь коллективистский строй, при котором каждый ощущает себя равноправным и равнообязанным строителем всего социального бытия[3]. За такие идеи Богданова окрестили «последним коммунистическим утопистом», а вожди РСДРП и вовсе нарекли работы ученого «тарабарщиной».

Естественно, что выводы Богданова не могли быть приняты ни приверженцами «абсолютного марксизма» в СССР, ни представителями научного мира Запада. Но если советские критики тектологии видели в ней исключительно «ревизионизм» и проповедь отказа от классовой борьбы, то с точки зрения европейских философов богдановская организационная наука представлялась, напротив, квинтэссенцией большевизма, «новомарксистской механистической теорией», враждебной всему возвышенному и духовно-гуманистическому[4].

Столь негативная оценка наработок А.А. Богданова по системному анализу со стороны научной общественности Запада во многом объясняется безосновательным приравниванием тектологии к большевизму, большевизма – к социализму, а социализма – к практическим действиям Советской власти в период Гражданской войны[5]. То, что данные явления, характерные для

---

[1] Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 153.

[2] Богданов А.А. Программа культуры // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 333.

[3] См.: Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 100.

[4] Такую оценку тектологии дал немецкий философ Иоганн Пленге в своем критическом выступлении 1927 г., рассмотренной А.А. Богдановым в приложении к третьему изданию «Тектологии» (См.: Богданов А.А. О критиках тектологии. Клерикальные критики // Богданов А.А. Тектология. С. 422–429).

[5] Одним из первых подобный ассоциативный ряд выстроил авторитетный теоретик германской социал-демократии Карл Каутский (1854–1938), базировавший свои суждения

определенного исторического периода, объективно входили в разные причинно-следственные цепи, показал выполненный Богдановым тектологический анализ социально-экономической и политической ситуации первых десятилетий XX в. Справедливости ради необходимо признать, что исследованием механизмов перерождения индустриального капитализма в новую, более «зрелую» и «организованную» формацию в то время активно занимались ученые, получившие впоследствии статус едва ли не классиков экономической мысли: фундаментальные работы Дж.А. Гобсона «Империализм» и Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» по сей день активно используются для анализа конкретных форм эволюции капиталистической системы. Согласно выводам Гобсона и Гильфердинга, с появлением новых инструментов капиталистического присвоения (таких, как банковский кредит и акционирование собственности) западное общество действительно перешло на качественно иной уровень организации. Опираясь на эти выводы, вдохновленный изменениями в экономической и политической жизни Запада В.И. Ленин сформулировал в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» собственную концепцию грядущих социальных преобразований, согласно которой «цивилизованный мир» к началу XX века достиг более высокого уровня хозяйственной организованности и в силу этого «дозрел» до перехода к новой – социалистической – общественно-экономической формации.

Однако анализ развития западного общества, выполненный А.А. Богдановым, содержал принципиально иные выводы, свидетельствовавшие не столько о повышении организованности новой разновидности капитализма, сколько о некоторой смене приоритетов хозяйственной деятельности. Согласно выводам ученого, развитие и укрепление финансового капитализма объяснялось тем, что банковский капитал с большой выгодой для себя стал решать проблемы частного собственника, сделавшись через системы кредитования незаменимым покровителем предпринимателей. В результате прежняя широкая конкуренция на рынке товаров и услуг превратилась фактически в декорацию, под прикрытием которой шло противоборство немногих гигантов-монополистов[1]. Все это происходило, как отмечал А.А. Богданов,

---

на крайне пристрастных свидетельствах покинувших Россию противников Советской власти, а не на объективных статистических данных, выстроенных в строгой хронологической последовательности с учетом причинно-следственных связей. См.: Каутский К. От демократии к государственному рабству. Берлин: Изд-во журнала «Социалистический Вестник», 1922. С. 87, 90–92.

[1] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 94.

на фоне полнейшей капитуляции государственных властей перед господством денег[1]. В связи с этим ученый приходил к выводу: империализм не может служить фазой перехода к социализму, поскольку агрессивный характер соперничества всемогущих корпораций, стремящихся к тотальному господству в мире, непрочность интернациональных связей потребительного рынка, развитие милитаризма в связи с возросшей необходимостью применения вооруженной силы для расширения рынков и оказания давления на конкурентов в международных бизнес-переговорах, – все это потребует перерождения финансового капитализма в еще одну далекую от социализма формацию – военно-коммунистическую, возглавляемую устойчиво функционирующим триумвиратом элит: финансово-олигархической, государственно-бюрократической и военно-силовой. При этом ученый был уверен: такое перерождение капиталистического общества вряд ли окажется последним.

А в начале XX в. новая капиталистическая система упорно завоевывала мир. Власть всячески поддерживала стратегию «маленьких победоносных войн» с заведомо более слабыми противниками: такие войны не мешали возрастанию прибыли олигархов[2], зато обеспечивали стимулирующую встряску всей мировой экономической системе[3]. Правительства стран, готовых тоже «погреть руки» у костра «маленьких победоносных войн», только поначалу не придавали большого значения внутренним вопиющим проблемам, не понимая, почему «многопроцентные прибыли национального капитала суммируются в убыток: тысячи плюсов складываются в гигантский минус»[4]. Однако причина нашлась быстро: чем активнее рос милитаристский рынок, тем скорее дело оборачивалось обнищанием народа.

В статье «Теория мирового военного кризиса» А.А. Богданов дал пояснение, почему подавляющему большинству воюющих стран объективно понадобился переход к авторитарному контролю и свертыванию тех демократических институтов, которые за XIX век успели прочно

---

[1] «Экономическое давление миллиардов одинаково легко справлялось и с демократическими, и с либерально-конституционными, и с самодержавными формами: за кулисами парламентов, как и за спинкою трона монархов одинаково действовало непреодолимое внушение клики финансовых дельцов; и в каждой стране власть народная, или ненародная, в конце концов, признавала за благо то, на чем сходились интересы руководящих групп нескольких гигантских концернов» (Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 432).

[2] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 436.

[3] Там же.

[4] Там же.

ассоциироваться с капитализмом: перед лицом товарного дефицита, анархии цен и разгула преступности, чтобы не допустить восстаний в тылу и развала фронта, у государственных властей возникала необходимость пересмотра собственных управленческих функций в сторону жесткой целесообразности, что объяснялось логикой выживания нации в предельно неблагоприятных условиях. Образцом ведения дел становился армейский порядок, при котором каждый посчитан, прикреплен к делу, и ему по регламенту положены паек, обмундирование и снаряжение – все в соответствии с принципом коммунизма, но не производительного, а сугубо *потребительного*[1]. Систему такого управленческого регулирования А.А. Богданов назвал еще в 1914 г. «военным коммунизмом» – ***явлением внеидеологическим****, коснувшимся* ***всех*** *участников мировой войны*. Первой ввела у себя «военно-коммунистические» порядки Германия, за ней последовали Англия и Франция, а затем и другие страны. Позже всех подключилась к этому процессу Россия – отдельные элементы «военного коммунизма» стали внедряться в ее хозяйственную жизнь только в 1915 г., и то лишь в качестве региональных мер. В практику воюющих государств довольно быстро вошел авторитарный стиль руководства в структурах, полностью контролирующих процесс распределения убывающих средств жизнеобеспечения общества.

«Деловым организатором капиталистической жизни» стала интеллигенция – ученая, техническая и чиновничья, которая из группы «an sich» («сама по себе») постепенно превращалась в группу «für sich» («сама для себя»)[2]. По мнению Богданова, продолжительность влияния этой новой формации на общество будет в значительной степени зависеть от того, как долго большинство из группы «für sich» станет сохранять готовность «к обращению в верных союзников капитала и даже – верных его слуг»[3]. Вероятность «второго дыхания» военного коммунизма допустима при условии единения этой группы с финансовыми олигархами на фоне нового витка милитаризма и накопления «военного материала», толкающих капитал на новые интервенции в «слабые» страны[4].

При этом формы идеологии воюющих государств не имели решающего

---

[1] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 440.

[2] Богданов А.А. Мировая война и революция // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 102–104.

[3] Богданов А.А. Военный коммунизм и государственный капитализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 339.

[4] Богданов А.А. Теория мирового военного кризиса // Богданов А.А. Тектология. С. 446–447.

значения, ибо определялись не столько культурно-историческими факторами, сочетание которых уникально для каждой страны, сколько тем, какой группе принадлежала власть, бывшая инструментом ***«коммунистического нормирования»***. Население, поставленное угрозой вымирания на колени перед управленцами, оказывалось заложником господствующей идеологии, которая во время Первой Мировой войны нигде еще не была коммунистической.

За широкой вариативностью политических доктрин капиталистического мира не замечали тождества социально-экономической и организационно-управленческой практики правящих режимов военного и послевоенного времени. А.А. Богданову пришлось настойчиво доказывать, что военно-коммунистическая система является глобальным феноменом и имеет, как минимум, пять основных типов – в зависимости от вовлеченных во власть социальных групп. Общая распространенность «военного коммунизма» в мире характеризуется тем, что после Первой Мировой войны подавляющим большинством стран мира управляли исключительно маршалы, генералы и адмиралы[1].

Что касается России, то она вынуждена была по двум причинам использовать неклассическую модель описанного А.А. Богдановым военно-коммунистического режима:

1) После Февральской революции 1917 г. национальная буржуазия, делавшая ставку на иностранную помощь и фактически сдавшая рухнувшую империю странам Антанты, оказалась полностью исключенной из «связки» с группой «für sich» вследствие эмиграции.

2) Хозяйственная разруха России многократно превосходила упадок

[1] В период 1918 – 1939 гг. ***Польшей*** управляли *маршалы* Ю. Пилсудский и Э. Рыдз-Смиглы; ***Венгрией*** с 1920 г. руководил *адмирал* М. Хорти; ***Финляндию*** с 1918 г. фактически возглавлял *маршал* Г. Маннергейм (бывший царский генерал); ***Испанией*** с 1923 г. стал управлять *генерал* М. Примо де Ривера, которого по окончании гражданской войны сменил лидер фалангистов *генерал* Ф. Франко; таким же правителем ***Румынии*** де-факто с 1940 г. был *генерал* Й. Антонеску, подчинивший себе молодого и безвольного короля Михая; лидер ***СССР*** И.В. Сталин тоже имел звание *маршала*, полученное во время Гражданской войны; президентом ***Португалии*** с 1926 по 1951 г. был *генерал* А. Фрагозу Кармона; да и формально штатские премьер-министр ***Италии*** Б. Муссолини и рейхсканцлер ***Германии*** А. Гитлер щеголяли в военной форме, демонстрируя свое единство с армией... Азия в этом смысле ничем не отличалась от Европы: правительство ***Японии*** возглавлял *генерал* Г. Танака, ***Китай*** – *маршал* Чан Кайши, ***Монголию*** – *маршал* Чойбалсан; что же до остальных азиатских территорий того времени, то они в силу своего колониального статуса еще до Первой Мировой войны управлялись непосредственно военными властями Англии, Франции, Японии и Голландии. Таким образом, на территории Евразии между двумя мировыми войнами лишь Англия, Франция, Швейцария и Чехословакия могли «похвастаться» сугубо «мирными» лидерами – и то если забыть о том, что У. Черчилль начал свою деятельность еще в XIX в. с военной карьеры, а Р. Пуанкаре был активным организатором антисоветской интервенции и оккупации германского Рура, так что даже получил у современников прозвище «Пуанкаре-Война».

экономики остальных воюющих стран: в России к январю 1917 г. бездействовало ***90,5% промышленных предприятий***[1].

В столь беспрецедентной ситуации единственной силой, способной организовать достаточно эффективную систему жизнеобеспечения населения бывшей Российской империи, оказался, по терминологии А.А. Богданова, «рабочее-солдатский коммунистический блок»[2], сумевший вовлечь в свою орбиту крестьян и ту часть интеллигенции, для которой крах империи парадоксальным образом обернулся невероятным прежде «социальным лифтом». Занятая восстановлением народного хозяйства власть лояльно относилась к разным способам экономической самоорганизации населения, дававшей толчок к возрождению кооперативного движения, объективно более гибкого и – в сравнении с крупным промышленным производством – менее требовательного к ресурсному обеспечению, а потому сохранявшего живучесть в самые сложные времена[3]. Это движение в период «военного коммунизма» ширилось и при соблюдении утвержденных Советским правительством несложных правил не встречало препятствий своему развитию[4]. Выстроенный хозяйственный механизм продемонстрировал довольно высокую эффективность, но, тем не менее, восстановительный период оказался для России длительным и чреватым огромными людскими потерями[5].

Необходимо отметить, что разработанная А.А. Богдановым на основе тектологического анализа концепция «военного коммунизма» может успешно применяться для исследования социально-исторических процессов в странах межвоенного периода. В качестве примеров такого исследования в диссертации рассматриваются организационно-идеологические аспекты устойчивости наиболее известных военных диктатур и тоталитарных режимов Старого Света, а также система антикризисных мероприятий

---

[1] См.: Шишков Ю. Упущенный шанс // Наука и жизнь. М., 1991. №10 С. 2

[2] Богданов А.А. Новейшие прообразы коллективистического строя // Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 89–90.

[3] См.: Богданов А.А. Рабочая кооперация и социализм // Богданов А.А. Вопросы социализма. С. 358–359.

[4] Вебб С., Вебб Б. Советский коммунизм – новая цивилизация? В 2-х т. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 308–310. Согласно использованным Веббами данным на 1933–1936 гг., даже после свертывания НЭП в СССР успешно действовало 45 тыс. кооперативов, объединявших в общей сложности 73 млн чел., т.е. немногим менее половины населения страны.

[5] Согласно исследованиям современного российского исследователя В.Н. Земскова, в архивных документах ОГПУ – НКВД – МВД за период 1921–1953 гг. зафиксировано 4 060 306 осужденных «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления», в том числе 642 980 приговоренных к смертной казни (См.: Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Алгоритм, 2014. С. 61–63).

правительства Ф.Д. Рузвельта в США, получившая название «нового курса». Последний феномен интересен, прежде всего, максимально отчетливым проявлением присущих финансовому капитализму дезорганизационных тенденций, выразившихся в ***дефляционном шоке***, причиной которого стало превращение ценных бумаг из платежного средства в товар и возникновение скрытой диспропорции между товарной и денежной массами. Преодоление дефляционного шока стало возможным за счет *установления прямого государственного контроля над деятельностью банков, обращением ценных бумаг и драгоценных металлов, транспортными тарифами, объемами производства средств жизнеобеспечения и уровнем оплаты труда*[1]. Следствием этих «военно-коммунистических» по своей сути мероприятий стала радикальная трансформация традиционной либеральной идеологии американской элиты: ключевая идея *безграничной индивидуальной свободы* была заменена доктриной *всесторонней патерналистской поддержки гражданина государством*[2], как сформулировано в анализе А.А. Богданова, «на основе права на удовлетворение потребностей: принцип коммунистический»[3]. Конечным культурно-политическим результатом успешности «нового курса» стало формирование в США настоящего культа личности Ф.Д. Рузвельта, вполне тождественного восхвалению тоталитарных диктаторов Европы[4]. А после Второй Мировой войны эта нестандартная модель «военно-коммунистической» экономической политики в сочетании со специфически интерпретированной либеральной идеологией была успешно экспортирована в оккупированные американцами страны Европы и Азии.

Подводя итог эволюции «военного коммунизма» в исторический период после смерти А.А.Богданова, необходимо обратить внимание на весьма показательную тенденцию: *в течение всего XX в. и Восток, и Запад добивались наиболее высоких темпов экономического роста (и повышения реального качества жизни) не при демократических, а исключительно при авторитарных политических режимах; аналогичным образом, наиболее результативная социальная политика осуществлялась не через рыночные отношения, либерализм и приватизацию, а наоборот, через государственный контроль, патернализм и национализацию*. Интерпретация данных фактов как «отклонений от нормы»

---

[1] Уткин А.И. Как пережить кризис. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 122–132; Чернявский Г.И. Франклин Рузвельт. М.: Молодая гвардия, 2012. С.240–241.

[2] Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. Как экономическая политика Ф. Рузвельта продлила Великую депрессию. М.: Мысль, 2012. С. 301–303.

[3] Богданов А.А. Тектология. С. 440.

[4] См.: Фолсом Б. Новый курс или кривая дорожка. М.: Мысль, 2012. С.22–27; Уткин А.И. Как пережить кризис. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 149.

представляется методологической ошибкой, обусловленной несистемным восприятием экономики и политики в качестве областей произвольной деятельности невзаимосвязанных индивидов. С системной же точки зрения экономика представляет собой область коллективной деятельности по непосредственному жизнеобеспечению общества, а политика – область коллективной деятельности по обеспечению безопасности общественной жизни, причем обе эти области теснейшим образом связаны друг с другом, и возможность принятия произвольных решений в них крайне мала.

Выполненный анализ взглядов А.А. Богданова в контексте развития мировой научной и политической мысли позволяет сделать вывод о том, что наследие неординарного ученого является в определенном смысле рубежным этапом в эволюции рационалистического научного мышления.

Если до Богданова мир изучали эмпирически как некую статическую модель, обращаясь к методу аналогии, то родоначальник системного анализа предложил рассматривать все разнообразие мира с ***организационной*** точки зрения для обнаружения функционально обусловленных связей, влияющих на формирование и развитие процессов в условиях дестабилизирующего воздействия непредсказуемых факторов. Этим целям мог служить не просто системный подход, а исключительно ***тектологический***, изначально предполагающий, что в качестве возможного будущего должны рассматриваться, прежде всего, такие состояния, при которых система в трансформационном процессе сумеет сохранить организованность и жизнеспособность. Богданов считал, что только в этом случае обнаружат себя истинные качественные изменения системы: с точки зрения тектологии, сложная динамическая система даже в неравновесных, хаотических состояниях обладает устойчивой памятью.

Таким образом, «Богданов избрал “организационную” систему координат и <…> убедительно показывает, что и на атомном уровне и в галактическом пространстве, а также в таинственном мире человеческой психики и мышления, действуют одни и те же организационные законы соединения частей в единое целое, поддержания этого целого в динамическом равновесии с остальным миром и перемещения его по циклической траектории развития. Идея о динамическом характере взаимодействия процессов организации и дезорганизации как источнике и механизме движения материи была поистине революционной. Только во второй половине XX века ученые стали приходить к пониманию о созидательной роли хаоса, о соотношении порядка и хаоса, имеющих такую же фундаментальную основу, как законы сохранения энергии и возрастания

энтропии. Избрав организационную точку зрения в качестве структурной координатной сети, Богданов поместил наблюдателя в центр динамического процесса взаимодействия и ввел в научный оборот целую палитру двойственных понятий: активность – сопротивление, ассимиляция – дезассимиляция, конъюгация – дизъюнкция, ингрессия – дезингрессия и другие. Заслуга Богданова состоит в том, что у него данные понятия являются не логическими антиномиями, а рабочими инструментами»[1]. Сам А.А. Богданов ситуацию с тектологией понимал максимально объективно: сформулированные им «организационные законы – не заблуждение, а научные открытия XX века»[2], полезные и необходимые людям, «как необходима инженерам математика, физика, химия для организации научной техники»[3]; он успел сделать в тектологии лишь «первые шаги, первые выводы»[4], но она «будет жить и развиваться в коллективной работе мысли и сослужит свою службу человечеству»[5]. Но даже в том виде, в каком ее оставил соотечественникам этот ученый, тектология вполне справляется с ролью «рабочей теории». По крайней мере, выполненный в данной диссертации разбор социально-исторической обстановки конца XIX – первой четверти XX века дает основания предполагать, что *тектологический анализ* ***уже произошедших событий*** вполне способен послужить основой перспективной методологии исторических исследовании. Это очень важно для общественной жизни: не осознав прошлого, невозможно строить будущее. Поэтому объективная оценка исторического прошлого приобретает первостепенное значение, а задачу выработки такой оценки эффективно решает тектологическая методика, созданная А.А. Богдановым.

Список публикаций соискателя по теме диссертационного исследования

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Луценко А. В.** Начало конфликта между В. И. Лениным и А. А. Богдановым (1907–1909) / А. В. Луценко // Вопросы истории. – 2003. – № 1. – С. 28–47. – 1,78 а.л.

---

[1] Попков В.В. Тектология и двойственность // Богданов А.А. Тектология. М.: Финансы, 2003. С. 479.

[2] Неизвестный Богданов. Кн. 1. С. 221.

[3] Там же.

[4] Богданов А.А. Десятилетие… // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 39.

[5] Богданов А.А. Десятилетие… // Неизвестный Богданов. Кн. 3. С. 39.

2. **Луценко А. В**. Утерянный шанс России? / А. В. Луценко // Известия Томского политехнического университета. – 2005. – Т. 308, № 3. – С. 218–224. – 0,7 а.л.

3. **Луценко А. В**. Роль идеологии в процессе социальной модернизации / А. В. Луценко // Известия Томского политехнического университета. – 2009. – Т. 314, № 6. – С. 159–164. – 0,65 а.л.

4. **Луценко А. В**. Взгляд А.А. Богданова на причины идеологических конфликтов в РСДРП / А. В. Луценко // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 101–104. – 0,61 а.л.

5. **Луценко А. В.** А.А. Богданов о некоторых перспективах развития финансового капитализма в XX веке / А. В. Луценко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 1 (17). – С. 57–61. – 0,6 а.л.

6. **Луценко А. В**. Концепция образования в трудах А.А. Богданова / А. В. Луценко // Высшее образование в России. – 2012. – № 8–9. – С. 120–125. – 0,52 а.л.

7. Куперт Ю. В. Эволюция философской концепции исторического развития А. А. Богданова / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 3 (118). – С. 247–253. – 0,83 / 0,68 а.л.

8. Куперт Ю. В. Работа А.А. Богданова по решению проблемы культурно-мировоззренческой несамостоятельности пролетариата / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 3 (19). – С. 131–137. – 0,84 / 0,64 а.л.

9. Куперт Ю. В. Магистральный путь развития человечества? (Опыт тектологического анализа социально-исторических процессов). Часть I / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 6 (26). – С. 112–122. – 1,29 / 1,05 а.л.

10. Куперт Ю. В. Магистральный путь развития человечества? (Опыт тектологического анализа социально-исторических процессов). Часть II / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 1 (27). – С. 81–88. – 1,09 / 0,88 а.л.

11. Куперт Ю. В. О пользе знания (критические заметки о книге И. М. Вельма и В. В. Алексеева «Сталинизм») / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – Вып. 9 (162). – С. 279–294. – 1,73 / 1,4 а.л.

12. **Луценко А. В.** Особенности мировосприятия А. А. Богданова и Н. А. Бердяева применительно к формированию научного мышления / А. В. Луценко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – Вып. 11 (164). – С. 138–147. – 1,11 а.л.

13. Куперт Ю. В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 1 (39). – С. 15–28. – DOI: 10.17223/19988613/39/2. – 1,76 / 1,48 а.л.

Web of Science: Kupert Y. V. The Role Of Public Consciousness In Russian-Japanese War / Y. V. Kupert, **A. V. Lutsenko** // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History. – 2016. – Vol. 1. – P. 15–28.

14. **Луценко А. В**. Применение тектологического системного анализа А. А. Богданова в процессе научного познания / А. В. Луценко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – Вып. 1 (190). – С. 211–217. – DOI: 10.23951/1609-624X-2018-1-211-217. – 0,86 а.л.

15. **Луценко А. В**. Историография научного творчества А.А. Богданова / А. В. Луценко // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 148–152. – DOI: 10.17223/15617793/429/18. – 0,78 а.л.

Web of Science: **Lutsenko A. V.** Historiography of Alexander Bogdanov"s scientific works / A. V. Lutsenko // Tomsk State University Journal. – 2018. – Vol. 429. – P. 148–152.

16. **Луценко А. В.** К. Маркс и А. Богданов о революции в России / А. В. Луценко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 52. – С. 114–120. – DOI: 10.17223/19988613/52/19. – 0,88 а.л.

Web of Science: **Lutsenko A. V.** K. Marx and A. Bogdanov about revolution in Russia / A. V. Lutsenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History. – 2018. – Vol. 52. – P. 114–120.

Монографии:

17. **Луценко А. В.** Александр Александрович Богданов. Кн. I: От агитатора-марксиста к вице-лидеру большевиков / А. В. Луценко. – Томск : Изд. ТПУ, 2001. – 110 с. – 5,79 а.л.

18. **Луценко А. В.** Александр Александрович Богданов: теоретик и практик РСДРП / А. В. Луценко. – Северск : Издательство СГТИ, 2003. – 184 с. – 14,65 а.л.

Статьи в прочих научных изданиях:

19. **Луценко А. В.** Военный коммунизм, его «второе дыхание» и роль интеллигенции / А. В. Луценко // Технология и автоматизация атомной энергетики (ТААЭ-2003) : материалы отраслевой научно-технической конференции. Северск, 20–23 мая 2003 г.– Северск, 2003. – С. 131–135. – 0,51 а.л.

20. **Луценко А. В**. Особенности идеологии современной России / А. В. Луценко // Технология и автоматизация атомной энергетики : сборник статей по материалам отраслевой научно-технической конференции. Северск, 12–14 мая 2004 г. – Северск, 2004. – Т. 2. – С. 132–140. – 0,83 а.л.

21. **Луценко А. В**. Феномен военного коммунизма в XX веке / А. В. Луценко // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 20–21 апреля 2005 г. – Томск, 2005. – С. 288–292. – 0,57 а.л.

22. **Луценко А. В.** Военный коммунизм как форма глобального конфликта идеологий / А. В. Луценко // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды VI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 18–19 апреля 2007 г. – Томск, 2007. – С. 158–162. – 0,4 а.л.

23. **Луценко А. В.** А. А. Богданов о «военном коммунизме» как особой фазе развития капиталистического строя / А. В. Луценко / III Исторические чтения Томского государственного педагогического университета : материалы международной научной конференции. Томск, 11–12 ноября 2010 г. – Томск, 2011. – С. 169–174. – 0,47 а.л.

24. Куперт Ю. В. Одна из «великих реформ» в России сквозь призму исторического опыта (часть 1) / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Инновационная экономика и общество. – 2017. – № 3 (17). – С. 6–20. – 1,34 / 1,07 а.л.

25. Куперт Ю. В. Одна из «великих реформ» в России сквозь призму исторического опыта (часть 2) / Ю. В. Куперт, **А. В. Луценко** // Инновационная экономика и общество. – 2017. – № 4 (18). – С. 2–15. – 1,31 / 1,05 а.л.

Издание подготовлено в авторской редакции.
Отпечатано на участке цифровой печати
Издательского Дома Томского государственного университета
Заказ № 3307 от «28.09» 2018 г. Тираж 100 экз.
г. Томск Московский тр.8 тел. 53-15-28